

«Быть маленькой, но живой, разумной и творческой искоркой в бесконечном космосе намного интереснее, чем обитать на плоской ограниченной Земле в центре своего крошечного мирка».
Джефф Хокинс

Всё - одно

То была необычная цивилизация.

Как оказалось - жизнь не такая уж редкая штука в Галактике. Правда, по большей части неразумная, даже совсем простейшая: бактерии, микробы, бывают растения, но тоже примитивные. Встречал и многоклеточных животных на разных стадиях эволюции. Несколько раз попадались полуразумные, но это удача сродни той, как застать пляж без отдыхающих в купальный сезон.

И всё же почти в самом начале карьеры мне повезло. Я нашёл разумную жизнь соответствующую всем нормам стандартной классификации из Общего справочника разведчика дальнего космоса. Правда уровень развития их цивилизации оказался примитивным, едва первобытнообщинный строй организовали, даже сформировавшегося языка у них ещё не было. Всё больше «экали» и ревели, как сирена погрузчика в космопорту.

Но они были разумны.

За такое открытие мне дали государственную награду: лично президент приколот к парадной с иголки форме. Шутка ли — впервые за всё время была обнаружена разумная жизнь! Кто-то ещё, помимо нас, обладал разумом соответствующим всем выкладкам учёных.

Хотя той цивилизации было всё равно, какую великую ценность в их лице я отыскал. Они занимались своими насущными делами — в основном дубасили друг друга примитивным оружием, добывали пищу, совершали набеги на соседей и рассматривали ночное небо. В перерывах рисовали на всём на чём рисовалось. Даже срисовали группу контакта, вместе с их кораблём, когда те прибыли исследовать мою находку. Если смогут развить свою цивилизацию и рисунок сохраниться - та ещё загадка будет для их потомков!

Мы то уже выйдем к тому времени, некому будет рассказать правду. Почему-то все так думают, я не возражаю, но такие разговоры мне не нравятся.

В общем, аборигены занимались своими проблемами, куда им до понимания того, что помимо них ещё есть разумные существа в нашей Галактике? Это знание - отдушина для таких как я, чувствующих ничтожную, бессмысленную одинокость, а потому улетевших от перенаселённого дома в глубину космоса.

Хоть и не я выбирал планету, куда полететь, а целая команда научных сотрудников НИИ по поиску чужих цивилизаций, знаменитым, как водится, стал именно я. Вскоре только с моей фотографией, сделанной, когда я прибыл домой после известия об открытии, у обывателей и ассоциировалась работа в дальней разведке. Сказать по правде - фотография получилась не очень. Я тогда изрядно устал, потому скорее не улыбался, а просил, чтобы мне дали отдохнуть, хоть полдня. Но что поделать? Отдохнуть мне не дали.

Мгновенная слава национального героя голову мне не вскружила, зато такой неожиданно быстрый успех окончательно и бесповоротно определил мою будущую жизнь. Жизнь разведчика дальнего космоса.

Я был молод.

Выросшие за моей спиной крылья воодушевили меня небывало, одним взмахом забросив в самые глубины Галактики. Первооткрыватель! Герой! При этом откуда-то возникла уверенность, что все главные открытия ещё впереди, стоит только проникнуть чуть дальше, чуть глубже, долететь до той звёздной системы, а потом до следующей, перескочить парочку и устремиться вперёд; немного усилий ещё тысячи таких как я разведчиков и сковырнётся холодный пласт молчаливого, притягивающего неизвестностью космоса, а новые цивилизации посыплются, как жетоны из игрового автомата.

Много безвылазных лет, без отдыха, отпуска, без встреч с быстро стареющими, умирающими родными и ни одного успеха. Ни у меня, ни у других. Что и стало основным открытием, как решили большие государственные шишки в больших кабинетах на родине. Быть может за исключением найденной моим коллегой планеты целиком и полностью заселённой вирусами, что стоило ему жизни.

Находка оказалась в высшей мере странной. Вирусы вещь опасная, даже лучшая экипировка не всегда способна защитить от них; тем более модифицированные, какими и оказались те невидимые обитатели, в буквальном смысле заполонившие всю планету.

Общественность опять была взбудоражена. Вирусы? И больше ничего? Как такое возможно? Теоретики тут же принялись разрабатывать теории кооперативной эволюции, практики искать средства на масштабную научную экспедицию для подтверждения теории и, желательно, ни одну, а пока они искали — научные сотрудники лабораторий программировали невероятно сложные, учитывающие мириады факторов, биологические модели, чьим венцом должны были стать вирусы. Кажется, все ресурсы были брошены на поиск разумного ответа, по неразумным теориям.

Ведь никто из научного сообщества, вдруг ставшего столь же близоруким, как и звёзды шоу-бизнеса, многие из которых поражены этой профессиональной болезнью с самых ранних шагов своей карьеры, не смел взглянуть в глаза самому простому объяснению, какое только возможно. Вирусное оружие.

До сих пор это кажется мне странным и необъяснимым. Хотя я многому не могу найти объяснения: всегда слишком занят изучением новой звёздной системы, её карты, планом полёта, ремонтами, приготовлениями, перепроверкой снаряжения. Привык думать лишь о том, как рассчитать количество провизии, проверить каждый сантиметр на своём корабле, получить новую спец. одежду, запасные части, провизию. Много забот у разведчика. Только такое внимание к деталям служит единственным спасательным плотом для одинокого смельчака в глубине неизведанного космоса.

Оставаясь легендой, благодаря которой всё новые и новые юнцы приходили в отряды разведчиков, я чаще стал повторять себе: «В одну и ту же воду в реке дважды не войти - утечёт и ищи свищи». То была любимая присказка моего отца. Стала и моей. Повторял, морщился, но продолжал летать. Мы все продолжали. Ведь должен кто-то. А то как?! Вечное оправдание.

И всё же та граница, что очерчивает конец земли перед обрывом, остановила меня. Романтика полётов истощилась, как ресурсы на моей родной планете. Остался голый космос. Впервые я посмотрел на него взглядом, свободным от мечтаний, от воодушевления, от надежды; глянул прагматично и тут же весь его

фасад обрушился, оставив меня наедине с пустой театральной сценой в межсезонье.

Уже не раз и не два начал я задумываться о том, чтобы уйти на почётную, обеспеченную пенсию. Благо возраст позволял: сто пятнадцать лет, если по общекосмическому, а по биологическому - все триста. Тот ещё долгожитель. Самое время, чтобы обзаводиться потомством, обрести, наконец, семью и спокойную жизнь.

Хотя, конечно, были сомнения: смогу ли без космоса?

Решил, что смогу; если и нет, то всегда можно вернуться инструктором, обучать зелёнку — восторженных юнцов.

Так и решил.

Последний, на этот раз действительно последний разведывательный полёт, а не крайний, и вот она - жизнь: жена, семья, детишки, отдых и не пыльная работа, чтоб мозги не обленились. Слишком много было примеров, как отличные ребята, после ухода на покой, сгорали буквально за какие-то десять-двадцать лет. Умирали, не дожив до первого дыхания старости. Подумать только! Двести, а то и все триста лет летать, рисковать и за двадцать свести свою жизнь в могилу! Это же сущий миг. Мне же хотелось пожить ещё довольно. Лет сто, а если и получится, то все сто тридцать.

На сегодня это был мой самый лучший план.

Я улыбнулся.

Домик где-нибудь на берегу реки, а то и озера; обязательно высокогорного, холодного и такого голубого, будто глина. Рыбалка по утрам перед лекцией в каком-нибудь институте или колледже или в школе. Да не всё ли равно? Будущее что надо.

Я и сам не заметил, как такие мысли вытеснили из меня прежде негасимые мечтания о межзвёздном будущем и дружбе между разумными расами Галактики.

Боковым зрением я выхватил вспыхнувший на панели огонёк, а за ним ещё один. Корабль что-то хотел сказать мне.

«Ещё минутку», - подумал я, как будто «Глазастик» был в силах прочесть мысли. Да он даже говорить не мог, как разведчики нового типа у молодых.

«Глазастик» был кораблём первых поколений, уже много лет он честно служил мне. Как смеялись надо мной мои же ровесники, давно поменявшие свои разведчики на новые: «Корни пустил старик, одним организмом стали, новый симбиотический разум»; а я не хотел другой корабль. Действительно свылся с Глазастиком, да и видел его чаще кого бы то ни было.

Немного беспокоился за его судьбу после того, как уйду из разведчиков, но меня заверили, что его отправят в музей. Хоть это радовало, не на металлолом, как это обычно бывает. Всё-таки исторический артефакт.

Там с Глазастиком и встретимся, два пенсионера. Нам будет о чём помолчать.

Пока же рука потянулась дёрнуть нужный тумблер. Поддался он с приятным щелчком. Огоньки погасли. Всего лишь предупреждение о скором прибытии на место.

Я вернулся к своим мыслям. Где же мой дом у реки, семья оживляющая его? Как будто утонуло всё в абсолютной тишине космоса, разорвалось на нейтринно и улетело со световой скоростью сквозь звёзды. Не догнать.

Вспыхнул новый сигнал, теперь уже на экране. Корабль не хотел оставлять меня наедине с собой, звал меня.

- Э-эх, Глазастик, ты прав, замечтался я что-то. Нельзя! Рано.

Пришлось выкарабкиваться из своих мыслей как альпинисту вверх по ущелью.

Подъём прервало хрипение динамиков:

- Разведчик один, слышите нас? – окончательно растаптывая пастораль моего будущего требовательно зазвучал голос диспетчера.

- Разведчик один на связи, - отчеканил я, хотя ещё полностью не вывалился из убаюкивающей дремоты мыслей.

Внешние звуки мерно работающего разведывательного корабля вновь возвращались в мою жизнь. Рано мечтать, работы ещё на две планеты! Пусть меня и отправили в самую спокойную систему, судя по первичным данным дальнего осмотра, но всё же - Космос! Шутить с ним не стоит.

Пришлось ещё раз встряхнуть головой, прогоняя мифические наваждения насланные разыгравшейся фантазией.

- Разведчик один, у вас всё хорошо?

- Да, тринадцатый, всё отлично, хорошо. Решил проверить скафандр, увлёкся, прошу прощение, - ложь как-то сама собой вырвалась, мог ведь сказать и просто, что всё хорошо.

- Отвлекаться не стоит, - с пониманием отозвался голос диспетчера, - Вы уже мыслями дома, но будьте внимательны, разведчик один. Космос.

Я и сам знал, что отвлекаться нельзя. Поморщился.

- Космос, - как какой-то тайный код повторил я, - принято.

Космос. Короткое слово красной нитью прошедшее через всю мою нынешнюю жизнь. Космос. Мне будет его не хватать. Будет.

- Разведчик один, путеводитель показывает, что вы уже можете наблюдать исследуемую планету визуально, подтвердите.

- Кхе-эх, - крякнул я, - сейчас глянем.

Компьютер отсеял убийственный свет звезды, светившей прямо в лоб, и вывел планету в стократном увеличении на два больших экрана передо мной.

Красавица! Почти как моя родная, оставшаяся в тысячах световых лет позади, только свечение от неё необычное. Отсюда кажется голубой, а не привычно зелёной, но чем ближе к ней буду подлетать, тем яснее будет, что на самом деле её поверхность далека и от такого сияния.

Только сейчас, отсюда она кажется одетой в прекрасные голубые одежды. Какая же она будет на самом деле? Все планеты обманчивы. Совсем как девушки — пускают пыль в глаза при первом свидании, а затем показывают весь вид и характер, стоит только сблизиться. Метановые облака? Атмосфера из расплавленных металлов? Ртутные дожди? Алмазные горные цепи или океаны жидкого золота? а может быть азота? Природа и не такие кренделя может выписывать. Кто знает, чем встретит очередная планета? Будет ли соответствовать научным данным?

И это вовсе не плохо, иначе никто не пожелал бы стать разведчиком.

Никто из нас об этом не говорит, но все ищут не просто разумную жизнь, а жизнь, какая бы существовала и развивалась в таких экстремальных условиях, которые бы даже не рассматривались учёными в качестве возможных. Это всё давняя мальчишеская мечта, выросшая из протеста, что жизнь может быть такой и никакой иначе. Никому и никогда разведчик не признается в этом, но это так. Я знаю, вижу это в глазах других.

В этом и состоит наше отличие от учёных, заставивших детские фантазии влезть в тесные одежды науки, когда разведчики ищут чистую мечту. Прекрасную, как сама жизнь и как сама жизнь - неуловимую.

Я забыл о предстоящей отставке, о доме возле озера, о жене, ещё не найденной, о детях, похожих на нас обоих, а значит не существующих; забыл о не пыльной работе, утренней рыбалке в безмятежном будущем и ежевечернем отдыхе на веранде обязательно деревянного дома.

Я видел только её. Здесь, на расстоянии, полную надежд и чаяний голубую мечту. В ней аккумулировались все мои детские ночные фантазии, находившие волю под открытым небом. Они раньше меня научились летать к самым отдалённым звёздным огонькам, до сих пор, спустя столько лет, я лишь пытаюсь нагнать их. И, кажется, уже потерял из виду.

Она была прекрасна.

Я убавил увеличение. Планета стала похожа на маленькую перламутровую пуговку, пришитую к чёрной одежке неразговорчивого космоса.

Необходимость в отчёте вырвала из меня слова, так неуместные сейчас:

- Подтверждаю визуальный контакт. Наблюдаю планету, эм, - я сверился с картой, - НПНТ 12-471-3 и её спутник. Спутник один.

Я выстукал на клавиатуре уточнённые координаты объекта исследований и своего местонахождения.

- Принято. По нашим данным у НПНТ 12-471-3 и должен быть всего один спутник. Разведчик один, есть ли какие-нибудь осложнения?

- Проверю.

Я провёл рукой по путеводительной панели. Планета ушла. Растворилась. Исчезла. Свернулась сама в себя и рассыпалась на цифры и буквы данных. Локаторы Глазастика прощупывали её, лишая покровы таинственности.

Один палец щёлкнул по кнопке, другой задал на шкале чувствительность. Дальше началась игра с клавишами, как на трубе, разве что звука не было, а только графики и таблицы на экране. Я включал и выключал локаторы, переводил их в разные режимы работы и отслеживал результат. Можно, конечно, поручить и компьютеру - уж он то справится на отлично, сомневаться не стоит, но а если то самое «вдруг»?

Вдруг.

Да. Вдруг Жизнь. Разумная. Увидит меня своими средствами обнаружения, услышит, выйдет на связь? А найду её не я, а лишь компьютер. Ему то всё равно, а вот мне... Нет уж, я сам. Сам проведу всё сканирование.

Я зажмурился. Но не ослеп. Ребёнок, увидевший впервые много, много, много лет назад взлёт космического корабля вживую, открыл глаза и смотрел со всех сил. Смотрел и надеялся. Надеялся найти не мечту, но что-то особенное, что всегда пытаются найти дети.

Вдруг именно эта планета? Голубая кроша НПНТ 12-471-3. Вдруг она?...

Первичная разведка показала, что всё тихо, локаторы ближнего действия подтверждали информацию полученную ранее большими научными кораблями, лишь незначительно подправляя, уточняя данные дальней разведки. Обычные космические жильцы: пыль, метеориты, астероиды, кометы. Они не опасны, курсы наши не пересекаются, а с остальной мелочью справятся защитное поля Глазастика. Атмосфера планеты не кислотная, термически устойчивая, не агрессивная, подходящая для любых форм жизни, что нам известны.

Один из локаторов показал какой-то всплеск на радио-волнах, но после нескольких повторных попыток - ничего. Всё спокойно, как в моих планах на будущее, однажды вдруг сразу переставших быть просто мыслями.

Надо подойти ближе.

- Тринадцатый, локаторы молчат, был единичный всплеск, но он не повторился. Скорее всего помехи оборудования. Запрашиваю разрешение начать выполнять облёт. Подтвердите.

Короткая тишина перед ответом:

- Даём разрешение на выполнение плана облёта.

- Так точно, - козырнул я своему отражению в экране бортового компьютера. Глазастик подмигнул мне несколькими всполохами индикаторов.

Тринадцатый — это позывной разведывательной экспедиции состоящей из двух кораблей, несущих каждый по два разведчика. Обычно большие научные корабли остаются на краю системы, чтобы вести «широкое» сканирование, но здесь им пришлось углубиться внутрь. Кометное облако, окружающее исследуемую звёздную систему мешало сканированию. Хотя оно и было довольно разряженным, всё равно искажало данные, что очень не нравилось учёным.

Спустя несколько дней сканирования выяснилось, что в этой системе есть ещё астероидный пояс, за которым и располагаются интересующие нашу разведывательную экспедицию планеты. Было решено приблизиться к нему, затем направить корабли в разные стороны вдоль пояса, а четырём разведчикам пролететь внутрь.

Мне достались две планеты: вторая и третья от звезды. Самые перспективные. Подозреваю, что так команда выражала мне свою признательность и уважение. Остальные разлетелись обследовать спутники газовых гигантов и четвёртую от звезды - красную, как глаза молодых после бессонной ночи.

В целом, звёздная система не представляла из себя ничего особенного. Разве что уж очень удобна она была для образования разумной жизни.

- Ну, полетели приятель, - сказал я Глазастик и малым ионным ходом направил его к открытому всем космическим ветрам лику спутника. Первой цели моей разведки.

Космическая колыбель вновь приняла меня в свои объятия.

Война!

Даже сквозь бесконечность космоса доносились тревожные вести. Они отскакивали от планет, ударялись о метеориты, расшвыривали в разные стороны космическую пыль, облетали звёзды, ныряли в червоточены, собирались в плотные информационные потоки и неслись, неслись вихрем безмолвные вестники.

Война!

Война!

Завтра!

Через день!

Ещё через день!

Война!

Вся команда слышала о якобы готовящемся мировом конфликте.

Один, другой, понизив голос и косясь по сторонам, осмеливался впервые вслух произнести слово «война». Не зря же оно летело к нам через всю галактику.

- Война? - переспрашивал я, будто мне не хватало устрашающего воздействия раз произнесённого слова.

«Война! Война!» - вторило эхо вопящей Родины, пробивая корабельную обшивку.

- Зачем? - немного глупо спрашивал я. Сорвалось.

- Зачем? Ха! Чудак ты! "Почему?", - вот самый точный вопрос, - отвечал мне тот из экипажа, кто первым вслух сказал это слово. Остальные, составившие кружок вокруг него, предосудительно смотрели на меня.

- Почему?

- Именно, «почему» а не «зачем»! Ресурсы! Опять не поделили ресурсы колоний, всё просто! - слышал я многозначительный ответ объясняющий всё в нашей пыхтящей на ухабах жизни.

- Да-а, - протягивал я и махал рукой.

Так я уходил от всяких разговоров о войне. Не моё, да и не может она быть настоящей здесь, посреди такого целостного, оттого прекрасного, безмолвия Космоса. К тому же - разве у нас мало ресурсов? Да их с лихвой хватит на тысячи и тысячи и тысячи лет. Может быть даже миллионы.

Кружок смыкался, к нему присоединялись новые слушатели, в основном молодые навигаторы, инженеры, техники. Они старались пролезть, услышать хоть что-то и слышали измышления раскачивающие их самих, а за ними нашу лодку-корабль. И в каждом произнесённом слове им слышалось слово «война» - хлёсткое, как свист порвавшейся струны.

- Космическая дыра их сожри! - взрывался в конце концов такой же разведчик как и я, ещё моего поколения, один из первых, - сто лет в обед, а твердят одно и то же: всё что мы вам должны, то прощаем, а ваши долги будьте добры отдать. И договориться не могут. Даже тут позавтракать спокойно не дают! И-э-эх! - слышался удар его ладоней об стол.

Хлопок уносился прочь и, словно наблюдая за ним, все повернулись в сторону обшивки корабля. Вглядываясь в неё, как будто она была прозрачная.

- Их бы сюда, в космос! Поняли бы тогда - что значит жить!

Старые разведчики, вновь ухватив краюшку дряхлеющего вместе с ними чувства всепоглощающей свободы, каким одаривает космос в первые годы знакомства с ним, согласно кивали: что *те* могут знать о жизни у себя там, в уютных кабинетах? Где им понять жизнь, глядя только на её, пусть и искусно нарисованную, но картину за окном? Как они могут решать что жизнь, что война?

Молодой же экипаж, ещё не разучившийся смотреть в сторону дома, ясно ощущающий не ослабевшие, пока, нити, тянущиеся через бесконечное пространство к оставленным воспоминаниям, всё ещё управлявших их чувствами, плотнее группировался и продолжал шептаться.

Старые, все как один, махали руками и уходили прочь.

Я старался об этом не думать; погружался в работу, в свои мысли, планы, даже темы будущих лекций придумывать начал. И всё же червь, скрутившийся из симбиоза мыслей о войне и вслух произнесённом слове «война», - жёг меня.

«Дело серьёзное, серьёзное. Послушай! Серьёзное! Война! Ведь действительно... война!.. а что если начнётся!», - терзал он меня, и не оставалось ничего другого как согласиться с ним, плюя в сердцах на его раздражающую «правоту».

Раз даже в дальнем космосе слышны были отголоски каких-то политических дрызг, вклинивающихся в мои планы на будущую мирную жизнь - что же на самом деле происходит *там*? Несвойственный вопрос для космического разведчика стоящего спиной к дому и привыкшего видеть только нескончаемые дали космоса перед собой и новые, открывающиеся миры.

Хотя во мне, растерявшего романтику исследователя за семьдесят общекосмических лет службы, тот уют, что я отыскал в своей работе — прохудился, отсырел, а сил отремонтировать его не было.

Я запирался в своей каюте и начинал читать новости, давно переставшие быть новостями на Родине, превратившись в размытый, однотонный фон предыдущих событий.

В каких-то странах шли столкновения, где-то свергались правительства. По решению суда переходили из рук в руки планеты, решения оспаривались, признавались незаконными, затевались новые тяжбы, воспалялись новые конфликты. Где-то какая-то страна отвечала на политическую ноту другой страны категорическим несогласием, на что та другая страна, считающая только себя в праве действовать таким способом, вводила санкции. Снежный ком разрастался. Одни несогласия провоцировали другие, за ними ещё одни и так появлялись крепко сбитые разногласия, пробуравить которые не смогли бы и лучшие горные машины, могущие грызть даже алмазную твердь планет.

Всё это было очень похоже на лоскутное одеяло, чьи куски напозают друг на друга, рвут на части, а одеяло тем временем ветшает.

И откуда только ресурсы берутся на всё на это? Крутился у меня вопрос, пока читал. Я даже не про ископаемые, перерабатываемые отдалёнными автоматизированными колониями и вывозимые космическими танкерами в гигантских количествах. Но сколько умов направленно не на развитие, а на планирование очередного хода в «Великой Шахматной Игре» — неизбежным итогом которой станет война и крах нашей цивилизации? Ведь играем мы сами с собой — на обеих половинках шахматной доски фигуры одного цвета — значит и выигравших не будет.

Привыкнув всё мерить эффективностью на решение поставленной задачи, как раз тогда я впервые задумался: каков коэффициент полезного действия нашей цивилизации? Насколько плотно прилажены все шестерёнки и как точно они взаимодействуют друг с другом? Нигде ли не проскальзывают? Не застревают? Нет ли лишних шестерней или целых узлов? Правильно ли вообще выстроен общественный механизм?

Замаячивший призрак ответа показался мне жутким, поэтому я просто перестал обдумывать эти вопросы.

Отвернулся.

Переключился на поиск успокоения и вскорости нашёл его. Периферия! Всё это, по большей части, происходит на периферии, в развивающихся странах, каких ещё осталось не мало. Они едва освоили космос, только учатся решать проблемы цивилизованно. Значит это всё лишь затухающие склоны, отголоски былого. Мне повезло родиться в технологичной стране, локомотиве прогресса, самом могущественном куске из того самого лоскутного одеяла. Она могла позволить себе такие экспедиции как наша. Пусть остальные грызутся, рано или поздно мы их воспитаем. Всё образуется.

Всё образуется.

Удовлетворившись этим, с вернувшимся чувством спокойствия, я выключал новости и уходил к себе. Какая война может быть у меня дома, в моей могучей стране?

Успокоение приходило, но оставляло широкий проход для гонимых мною мыслей. Когда я ложился спать, в тот самый промежуток между сном и явью, отогнанные мысли выпархивали на свободу. Едва ли осознавая, что я это я, я

спрашивал себя: как же нам, то есть нашему виду, удалось забраться так далеко в развитии, отправиться, - ведь подумать только! - на другой конец Галактики, не поубивав друг друга раньше? Как мы умудрились запрыгнуть на последний вагон с ресурсами родной планеты, чтобы успеть высадиться на других и забрать ресурсы оттуда? По легкомысленности ли или из-за страха не сделав из этого выводы.

И как так получается, что даже сейчас, когда провозглашён мир без войн, мы всё ещё не можем навести порядок внутри себя, из-за каждого угла ожидая фантом новой войны? И, наверное, даже с облегчением выдохнем, когда он окажется не бестелесной страшилкой, парящей в воздухе, а ступит на землю, обретёт плоть, пусть ужасную, но снимающую тугое напряжение ожидания.

В такие моменты, не успев толком заснуть, я просыпался. Буквально выпрыгивал из последних сил из этого холодного междусна.

Не может такого случиться.

Не может.

В тепле каюты, надёжности корабля, спроектированного лучшими умами, построенного лучшими руками, прослужившего уже сотню лет, в профессионализме экипажа - я находил успокоение. Не может такого случиться!

«Мы справимся!» - говорило что-то внутри меня: «Ведь не можем просто так сгинуть в небытие».

Мы справимся, преодолеем, разрешим. Обязательно.

Может быть, не я буду тем, кто справится, но обязательно найдётся кто-то.

Эти оправдания убаюкивали, и я, с лёгкостью смазанного оружейной смазкой затвора, проваливался в тёмные мир подсознания.

Вспыхнул сигнал. Я пробежался глазами по путеводительной панели. Всё в порядке. Прибыл на место.

Спутник НПНТ 12-471-3 холодным телом нависал надо мной. Стоило перевернуть разведчик брюхом к поверхности. Глазастик послушно выполнил манёвр.

Итак, план прост: просканировать поверхность и направиться к планете. На орбите спутника я не заметил ни одной космической станции. Никаких следов развитой цивилизации.

Я немного замешкался: брать управление в свои руки или довериться автопилоту, удовлетворившись ролью наблюдателя? Но.... Какое тогда удовольствие от полёта?

- Так точно! Никакого! - повеселел я и принял управление, - Во-о-от так, справимся, Глазастик? Как думаешь? Разве что немного...., - я добавил корректировку бортового помощника на уровень пятнадцати процентов. Всё-таки перестраховаться надо, не хотелось бы закончить свой полёт грудой металлолома на безжизненной поверхности спутника.

Тринадцатый вышел на связь:

- По поступившим показаниям мы видим, что вы на ручном управлении с корректировкой пятнадцать процентов, подтвердите.

- Подтверждаю, сектор чистый, звезда умница, спокойная, гравитационных, магнитных волнений нет. Аномальных выбросов частиц не фиксируется. Одна планета один спутник, решил размять косточки.

Диспетчер ответил не сразу, видимо совещался со старшим дежурным.

- Разведчик один, увеличьте корректировку до трети, как поняли?

Пришлось крепче сжать зубы. Ну какая же треть? Так совсем не чувствуется штурвал, а я...

- Разведчик один, подтвердите.

- Подтверждаю, треть.

- Видим, спасибо.

Ну, что же. Пусть так. Я потёр руки:

- Давай знакомиться? – обратился к спутнику.

Заработали локаторы, началось трёхмерное построение поверхности космического тела. Я совершал один виток за другим, меняя орбиты.

Спутник был без атмосферы, без тектонической активности, без воды в каком бы то ни было состоянии, со множеством метеоритных следов. Я спустился ниже. Никаких биологических признаков жизни.

Не выживший при родах брат планеты.

- Не густо, да Глазастик?

Глазастик ответил мерными звуками работы своего компьютера.

Графики монотонно текли по мониторам. На большой экран я вывел картинку спутника подо мной.

- Да, - вглядывался я в открывшийся перед собой вид, - ты видишь ровно то же самое, что вижу и я, Глазастик. Пустоту. Ну, спутники твёрдых планет все такие. Отчаиваться не будем. Хотя, если бы была развитая техногенная цивилизация, то первым делом они бы его колонизировали... Отличная отправная точка для исследования своей системы. Маленькое притяжение, близость к родной планете. Ресурсы есть. Что скажешь, Глазастик?

Глазастик был занят работой. Он, слегка корректируя мой курс для лучшей работы локаторов, медленно облетал спутник, тщательно исследуя каждый его километр.

Кратеры, кратеры, кратеры и ещё раз кратеры. Космос беспощаден и равнодушен к своим многочисленным отпрыскам; оставляет незаживающие раны на всех, кто не успел укрыться плотной атмосферой. Да и им порой достаётся.

Постепенно, начав с полюса, я подвёл корабль к экватору, где локаторы и зафиксировали нетипичное отражение от поверхности.

Глазастик тут же вывел результат на экран. Всё выходило к тому, что внизу были какие-то металлические объекты, довольно правильной формы. Сердце моё забилось сильнее. Как у рыбака, когда поплавок несильно качнулся на поверхности. Рыба? Или...

- Тринадцатый, получил добро от Глазастика. Снижаюсь, чтобы проверить.

Диспетчер ответил не сразу.

- Вас понял. Переключились на вас, картинка есть, наблюдаем.

Аккуратно, снижая скорость я завис над интересующим местом. Задействовал антигравитационные тормоза. Глазастик находился точно над тем местом, где сработали локаторы. Результат повторился. Но изображение выводилось нечёткое. Слишком много пыли нанесло на возможное искусственное сооружение.

- Расстояние девяносто, пока локаторы не могут с достоверной точностью распознать аномалию. Подхожу ближе.

- Вас слышу, следим.

«Ближе мой хороший, ближе. Что там за рыбка у нас?», - шептал я Глазастика, послушно исполняющему все мои указания, незаметно корректируя работу тормозов и двигателей.

«Давай Глазастик, вскроем эту банку. И мне нужны фрукты, а не черви», - от напряжения я высунул язык. Не часто мне приходилось доходить до такого этапа работы. Видели бы меня сейчас юнцы! Посмеялись бы - ветеран побывавший на тысячах планет, а переживает, как зелёнка. Тысяча то она есть, да осталась позади; здесь же, сейчас — моя последняя.

- Семьдесят, - сообщил я.

Да и к тому же: на тысячи планет я, может, и побывал, но лишь на единицах дёргался поплавок. И лишь однажды клюнула крупная рыба.

- Шестьдесят пять.

Я включил оптику, увеличил изображение. Кажется удалось что-то рассмотреть, локаторы подтверждают. На экране рядом появилось отрисованное ими изображение находки.

- Тринадцатый, - с волнением сказал я, - наблюдаю искусственное сооружение.

В один миг меня захлестнула радость с разочарованием. Цивилизация! Технологически развитая! Они вырвались из своей планеты и теперь... Но нет.

- Биологических признаков жизни нет, - проговариваю для отчётности вслух результаты работы Глазастика, успевшего вгрызться своими локаторами вглубь поверхности, - строения старые, почти полностью разрушены.

Настала пауза во время которой, понимая бессмысленность действий, но всё же перепроверил показания Глазастика.

«Признаков биологической жизни нет».

Сорвалось. Опять.

- Подойду ближе.

- Принято, мы наблюдаем, - выдохнул диспетчер.

Голос его принял прежнее спокойствие. Он, как будто, даже обрадовался, словно тяжёлая ноша соскочила с его плеч и упала под ноги. Не тот ли это молодой сотрудник, что с таким горящими глазами слушал новости о войне?

- Тридцать, - сообщил я высоту.

Мощная оптика, выдвинувшись из брюха корабля, с полными деталями показала картинку подо мной. Так и есть. Никаких признаков активности. Разруха и запустение.

- Объект наблюдаю визуально, качество отличное, изображение чёткое. Это бывшая колония. По-видимому, одна из первых, скорее всего жителей с планеты. Разрушена, жизнедеятельности нет. Почти вся скрыта под грунтом.

Я прищурился. Если не Глазастик, я бы её даже и не заметил. Она почти слилась с серым грунтом спутника. Где-то едва выглядывали крыши, в одном месте зиял провал.

- Зброшена давно, - вынес я окончательный вердикт и выключил оптику. Опять мои опасения подтвердились. Все либо неразумны, либо едва обрели разум, либо уже вымерли. Жуткое постоянство.

- Вас поняли, сделайте несколько снимков, окончите сканирование и отправляйтесь к планете. На спутник мы вышлем команду для подробного исследования и взятия образцов.

«Э-эх! А могла быть такая рыбёха!», - подумалось мне.

Оставшуюся часть работы я полностью отдал на откуп Глазастике. Такую монотонную и скучную работу он выполняет отлично. Нашлись ещё несколько аналогичных построек, все по периметру экватора. Где-то даже удалось распознать взлётно-посадочную площадку.

«Конечно, - подумалось мне, - было бы слишком шикарным подарком, если бы в последний разведывательный рейс мне попала здоровящая техногенная цивилизация; а так... уже третья погибшая на моём счету».

Луна осталась позади. Прямо по курсу вертелась одинокая НПНТ 12-471-3. Я глянул на часы. Попав в пустоту между мёртвым спутником и скорее всего живой, но сбросившей с себя разумную жизнь, планетой – я с нетерпением ждал окончания разведки. Даже возможные красоты нового мира не воодушевляли. Такая хандра не в первый раз овладевает мной. Очень часто она нападает, когда излишнее волнение сильно растягивает душевные струны, а потом отпускает и они повисают безвольными, излохмаченными нитями.

Конечно, я был уверен, что ничего не найду, но надеялся, даже не признаваясь в этом самому себе. Может именно поэтому я так много думал о своих планах в отставке. Прогонял все остальные мысли.

Помню, какое на меня огромное впечатление произвело видео с нашей планетой из космоса. Оно было снято с борта возвращавшегося домой корабля. Планета на экране и в моих детских глазах постепенно увеличивалась, а я, стараясь не мигать, всё пытался рассмотреть наш дом. Мне почему-то казалось, что космонавт на том корабле должен непременно заснять его со мной внутри.

К тому времени мы давно научились выходить в ближний космос, освоили спутники, планеты. Это стало рутиной. Уже начали совершаться регулярные межзвёздные перелёты. И вот я, ребёнок буквально недавно научившийся ходить, увидел прямую трансляцию из космоса, когда прибывающий с дальнего рейса экипаж готовился к посадке. Господи! Какая же наша планета оказалась красивой! Зелёная, как... Нет, я не мог подобрать тогда слов, отчаянно впитывая картинку изумрудного дома, а потом и не пытался. Они подменили бы то чувство всепоглощающего восторга, что накрыл меня, ребёнка.

Помню, как трансляция закончилась, я выбежал на улицу и стал смотреть себе под ноги. Чёрная, влажная от недавно прошедшего дождя, земля, блестящие камни, трава с бусинками капель на шершавых стеблях; сбоку - выложенная брусчаткой тропинка, ведущая к гаражу, вдали ручеёк - сияющий, как зеленоватое небо, очистившееся от набежавших тучек; и мои ноги, обутые в сандалии. Я пошевелил пальцами, сделал несколько шагов.

Слишком низко.

Тогда я взобрался на чердак, оттуда вышел на скользкую черепицу крыши.

Вот она - высота.

Я смотрел на улицу нашего посёлка, а видел всю планету, видел её такой, как из космоса.

Та трансляция вообще стала моим первым воспоминанием не забывшимся за ворохом каждодневной новой информации. Я бережно вынес его через все годы жизни.

До самого последнего времени это воспоминание спасало меня. Когда очередная надежда осыпалась, образуя тяжёлую гору зубчатых осколков, режущих изнутри, стоило закрыть глаза, как родная планета вновь вставала передо мной и силы возвращались по мере её приближения.

Как-то я пытался отыскать именно ту запись, может быть не для того даже, чтобы посмотреть её вновь, а просто... как ищут части прошедших радостей затем, чтобы только прикоснуться к ним, как к реликвиям; артефактам счастливого детства. Но сколько раз я не спрашивал своих родителей – они не могли вспомнить

о каком именно видео я говорил. «Сынок, - отвечал мне папа, - каждый день показывают десятки документальных фильмов про космос, ещё больше прямых трансляций. Ведь мы покорили эту чёрную дыру у нас над головой и на полных правах осваиваем её, частенько забывая про жизнь здесь. Мда. Наверное, ты тогда увидел одно из прибытий одного из кораблей в один из дней. Просто та трансляция стала для тебя первой».

Нет. То был не один из фильмов, или одна из трансляций, одного из... а начало моей жизни. Пусть и затерявшееся, как начало ручейка в камнях, но чистое в моих воспоминаниях.

Много позже со школой мы ходили на старт межпланетного сухогруза. Он был не самым большим, - с нашего провинциального космодрома стартовали только малые классы кораблей, - но мне казался гигантским. Он заслонял собой изрядный кусок неба!

Весь класс замер в ожидании старта, а я даже боялся продохнуть. Чуть не задохнулся тогда. И вот команда была дана. Гудя как ветер, на полном ходу ворвавшейся в железную трубу, корабль медленно, натужно оторвался от поверхности и замер, а затем, влекомый антигравитационными силами - вальяжно поплыл вверх, где ему предстояло включить главные двигатели и сверкая, как маленькая звёздочка, направиться по курсу к одной из планет, снабжавших нас необходимыми для жизни ресурсами.

Корабль улетел, зашумели одноклассники, а я всё смотрел в ту точку на небосклоне, где он пропал. Он улетел туда, куда рвалось моё сердце, моя душа. Туда, куда я ещё не мог, но уже хотел вырваться.

Я всё ещё стоял, когда весь класс уже разошёлся и учитель астрономии никак не мог сдвинуть меня с места. Задрав голову вверх, я стоял и смотрел. Стоял и смотрел. Смотрел туда.

Никто не поймёт Космос, убаюкивающий в себе жемчужины-планеты, пока не окажется в нём. Наедине с собой и своими мыслями. Только так и никак иначе можно узнать кто ты есть на самом деле.

Не каждый может выдержать такую проверку.

В институте, когда уже целенаправленно шёл к своей мечте стать разведчиком дальнего космоса я познакомился с такими же юношами - грезящими наяву полётами, звёздами и *поисками*. Оторванные от жизни романтики с горящими глазами.

Не все смогли стать разведчиками. Даже отчаянные отличники, выбираясь в первый учебный полёт в одиночку, не справлялись со своими страхами, неизменно присутствующими в душе каждого. Нервы не выдерживали.

«Непригодны к дальним разведывательным полётам в составе одного члена экипажа».

Приговор был однозначен.

Помню, как с огромной печалью и растерянностью, не понимая, почему их мечта так зло подшутила над ними, споткнувшись на первых секундах разбега, они прощались с нами, уходя в экипажи грузовиков, научных кораблей и никогда больше не оставаясь с Космосом наедине.

Жаль.

Давно это было.

Сейчас я летел через этот самый космос, приевшийся, как слишком часто включаемая любимая песня. Приближался к новой, неизведанной планете, но,

впервые, хотел домой, а не на её поверхность. Смертельная усталость рассыпающегося разведчика навалилась на меня, заглушив любопытство.

- Тринадцатый, выхожу на дальнюю орбиту. Высота триста, - отчитался я, как того требовалось.

- Подтверждаю. Наблюдаем вас.

НПНТ 12-471-3 явно была в самом расцвете сил. Находясь в обитаемой зоне, согреваемая теплом звезды главной последовательности - она была идеальным инкубатором для зарождения миллионов форм жизни, как минимум одна из которых успела обрести разум и сгинуть.

Планета, как и следовало ожидать, была населена. Обильная многоклеточная жизнь сложных форм, много свободной воды и цветущих растений. Всё это виделось сразу, ещё из космоса.

- Что же Глазастик, давай ещё раз.

Я включил локаторы. Калибровочными импульсами компьютер проверил систему, запустил сканирование.

Пока Глазастик трудился я, согласно уставу, начал передавать тринадцатому свои визуальные наблюдения:

- Для протокола. Первичный осмотр планеты НПНТ 12-471-3.

Планета имеет насыщенную атмосферу, в основном состоит из..., - я глянул на экран компьютера, - азота и кислорода, но с большой примесью тепличных газов — оксида азота, гексавторида серы, углекислого газа и метана, - а также тяжёлых элементов. Значения гексавторидов близко к критическому. По-видимому, результат какой-то техногенной катастрофы, если иметь в виду, что раньше на ней обитала технологически развитая цивилизация.

Растения имеют типичный для таких условий зелёный цвет, скорее всего фотосинтезирующие. Свободная вода занимает половину поверхности планеты.

Глазастик отмечает, что на поверхности есть места с радиационным фоном превышающим общий в несколько раз. Они будут помечены на карте. Разбросаны хаотично. При этом, исходя из возраста планеты, её геологических особенностей и типа звезды - общий радиационный фон повышен. В ходе дальнейших исследований необходимо будет выяснить его природу. Предположительно — результат деятельности разума.

В южном полушарии земли практически нет, только отдельные острова, остальное - вода; северное состоит, в основном, из трёх больших материков сложного рельефа. Присутствуют большие горные цепи, скорее всего, образованы относительно недавно, во время сильных тектонических подвижек. Есть несколько глубоких ущелий. Координаты снимает Глазастик.

Судя по характеру и типу суши, раньше большая её часть находилась под водой. Глазастик сообщает, что на планете в свободном виде есть и солёная и пресная вода. Пресной значительно меньше...

Я продолжал говорить, по мере необходимости уточняя свои наблюдения показаниями локаторов. Орбита корабля, согласно заданной программе, постепенно снижалась, приближаясь к верхним слоям атмосферы. С каждым новым витком, мы приближались к поверхности планеты.

- ...в экваториальной области большую часть суши занимают пустыни. Отрицательных температур не отмечено по всей планете. В районе полюсов температура комфортная для биологической жизни. Скорее всего эффект от наличия тепличных газов.

- Тринадцатый, общую разведку закончил. Снижаюсь к поверхности на высоту пятнадцать. Беру курс к северному полушарию. Возможны атмосферные помехи, не теряйте.

- Принято. Удачной разведки!

- Спасибо, - кратко ответил я и отправил координаты дальнейшего маршрута. Глазастик уже составил подробную карту поверхности с привязкой к координатным точкам.

Подо мной проносились леса, реки, озёра, холмы, сбоку тянулась гигантская горная цепь. Отдельные её вершины были действительно высокими, гораздо выше любых гор на моей планете, хотя она относилась к тому же типу. Ещё раз я подумал о том, что должно быть в недавнем прошлом здесь происходили чудовищные тектонические сдвиги, раз плиты так вздыбились. Что было тому причиной, пока, стоило только догадываться.

Усталость отступила в сторону, я невольно залюбовался. В космосе, когда вокруг простираются парсеки пустоты, иногда теряется связь с пространством и перестаёшь понимать, насколько самые большие построенные нами корабли незаметны на общем фоне. Да и в целом осознать это трудно: тяжело сравнивать видимую глазу вещь с чем-то не имеющим другого описания, как «бесконечная пустота».

Тут же, где восходящее солнце едва показалось из-за гор, когда тени их чёрной дланью протянулись по земле, не зная конца и края, а мой разведчик казался подгоняемой ветром пылинкой — чувствовалась величественная монументальность природы, способная творить столь великие полотна.

Кажется именно в таких местах, свободных от пустозвонких речей карьеристов всех мастей, лилейного словоблудия банкиров, пафоса заостренней науки, порожного дребезжания телевизионных шоу - можно было прикоснуться к природе, признать себя её частью, а не укротителем. Здесь я склонял перед ней голову, когда дома даже мысли такие считались неприличным анахронизмом, ведь там уже никто не сомневался в том, что мы покорили её, приручили, как зверька.

Уверенность сродни самой большой глупости.

Не смотря на то что местный день только начинался, солнце для меня словно замерло в одной точке над горизонтом, передвигаясь только горизонтально. С огромной скоростью я приближался к полюсам, где, судя по всему, был полярный, чудовищно длинный день.

- Давай ка поубавим пыл, Глазастик, - приструнил я свой корабль. Отсюда стоило начать более тщательное сканирование на предмет следов пребывания разумных существ. Хотя данные первичного осмотра не давали поводов для надежд.

И всё же этот день приготовил для меня сюрприз. Едва я включил локаторы, как вспыхнул зелёный значок со стилизованным телом. Я даже не сразу сообразил. Рука у меня зависла над путеводительной панелью. Разумная жизнь? Сейчас? Не вымерли?

- Найдены признаки разумной жизни, - скрипучим, не своим голосом сказал я.

Новость помчалась к тринадцатому.

Значок на панели, всегда приковывал к себе взгляды полные суеверный надежды. Сколько бы я не давал себе зарок не смотреть на него часто, как бы не заклеивал его бумагой – нет-нет, но глаза мои вновь и вновь и вновь задерживались на нём.

И вот он вспыхнул. Я не мог оторвать взгляд от него, перевернувшего все мои планы на сегодня, на завтра, на всю мою будущую жизнь. Он приковал к себе внимание столь же сильно, как когда-то взлетающий сухогруз.

- Мы видим, - слышно было как диспетчер сглотнул. То ли от волнения, то ли от атмосферных помех, с успехом гасящих любую связь, но голос его начал дрожать и прерываться:

- Разведчик один... следовать инструкциям... м-м... включите маск...вку...сба..те скорость.... шум...

- Вас понял, - ответил кто-то за меня моим голосом.

Следовало собраться с мыслями. Только вот индикатор не погасал, свечением своим впиваясь в подкорку мозга.

Конечно, и такое бывало раньше, что локаторы ошибались. Как в тот раз с вирусами. Впоследствии выяснилось, что он отреагировал на гены создателей, которые те впихнули в своё оружие, чтобы лучше поражать друг друга. Компьютер принял огромные скопления вирусов за поселения разумных жителей. Если нечто похожее ожидается и сейчас, вот же поднимется ор, наверное, даже почище чем в предыдущий раз.

Самыми громкими будут голоса противников бессмысленной, с их точки зрения, программы поиска инопланетных цивилизаций: ведь ясно, что это не принесёт никакой выгоды для страны! в отличие от наращивания геолого-разведывательных экспедиций и строительства всё большего числа новейших охранных кораблей.

Та находка, стоящая жизни разведчику, стала отправной точкой, легитимировала разговоры о бесполезности столь затратной и бесперспективной программы не имеющей никакого реального производительного характера. Она стала причиной жарких споров и бессонных ночей целого государства. Вирусы взбудоражили общественность даже сильнее открытия разумной жизни. Ведь такой результат никто не ждал, не готовился к нему.

Как я уже говорил, сотни бредовых идей выплёскивали из своих закров институтов, считающие своим долгом высказаться на эту тему, пока хлещущий кран с тупиковыми теориями не заткнул пробкой рабочий. Он отвечал на вопросы в прямом эфире одного из вечерних шоу, когда приглашённая молоденькая журналистка неосторожно задела тревожащую всех тему.

«Что я думаю?! - вдруг вскрикнул он так, что ведущая даже отпрянула, - Да ничего не думаю, страшно только. Почему? Да потому что я боюсь, что и после нас останется один мусор и вирусы. Все уши нам с экранов прожужжали, как такое возможно, что на планете нет ничего, кроме вирусов, словно оглупели все разом! Ведь ответ прост, как мой завтрак! У нас разве нет такого же оружия? Понятно, войн нет и не было уже...короче долго, одни «локальные конфликты», но, так, на всякий случай, прозапас, разве нет? Вот и у тех было. И сегодня - оружие осталось, а создатели нет».

Действительно - разве нет у нас высокотехнологичного оружия вирусного образца? Конечно, строго оборонительного и не для применения, войн то нет, только «локальные конфликты», как подметил рабочий, но всё же.

Общественность застыла в прозрении, а телевизионные специалисты — вначале отшатнувшись, как от прокажённого — получив директивы, набросились на впервые высказанную вслух идею, подспудно тревожащую всё это время.

Совершенно естественным стал скорейший полный разгром столь невежественного предположения, с помощью экспертных обоснований по

телевизору об её полной несостоятельности. Что понятно, ведь эксперты заботились о сохранении достигнутого ими благополучия и соблюдения контрактов, другого ждать от них не приходилось, раз кто-то решил, что такая правда не нужна.

И всё же сдвиг произошёл. Те учёные, кто занимался наукой, увидели таки недостающий член во всех их уравнениях, застыдившись своей трусости глянуть правде в глаза раньше. Побитая идея нашла приют в умах менее конъюнктурных, но более честных учёных. Честных прежде всего по отношению к самим себе и к науке.

В конечном счете, эта идея, при усиливающихся стенаниях, переходящих в неприличный вой особо ретивых защитников своих грантодателей, восторжествовала. Благо найденные археологические и биологические свидетельства первой экспедиции, совершившейся не смотря на горячую опеку политиков, насылавших многочисленные проверочные комиссии, в полной мере подтвердили гипотезу рабочего.

«Вымерли в результате вышедшего из под контроля глубоко модернизированных вирусов используемых, вероятнее всего, как оружие против себе подобных».

Таков вывод.

Итог миллионов лет эволюции оказался довольно трагичным. Создатели вирусов были настолько умны, чтобы создать их, но не настолько, чтобы не уничтожить с помощью них самих себя.

Просто на просто истребили друг друга.

Однако не помню, чтобы я сильно удивился этому или предал значение.

Так, за заполонившим эфир шумом о совершившей самоубийство цивилизации, преступно не дожившей до нашего первого контакта, поблекли воспоминания о былом триумфе дальней разведки. Затем они стали неудобными, а потом и вовсе утратили какую бы то ни было привлекательность, превратившись в какую-то пошлость, вроде патриотизма. Ну, была найдена разумная цивилизация, ну, да и пусть, нам от этого какая выгода? Обменивать наши технологии на их прутья и заточенные камни? Прощай эйфория - голос подали материалисты-прагматики. И говорили они правильные, понятные каждому гражданину вещи: всей нашей цивилизации нужны прорывы в технологиях, в социальном укладе и, конечно, нужны ресурсы.

Много ресурсов.

И ещё больше колоний!

Эти проблемы теперь стали во главе угла. Дальше никто уже не стремился заглядывать. Надо было захватить весь космос. О провозглашённой принадлежности космоса в равной степени всем народам на заре космической эры - никто уже не вспоминал.

Нет, те несчастные аборигены, избитые остроумными словами в тысячах шоу, утонувшие под тысячью толстых научных и не очень трудов, раздетые до нага в тысячах анекдотов, всё ещё будоражили мальчишескую фантазию. Только детский мозг ещё был способен воспринимать это так, как следует — с восторгом, удивлением и трепетом.

Разум!

Значит мы не ошибка, ни исключение, ни побочный результат, а самый что ни на есть конечный! Или конечный до тех пор, пока не найдём что-то иное,

превосходящее нас в развитии. В самих ли себе или где-то в космосе. Это же... Грандиозно! Внутри не влезает всё то, что чувствуется!

Но это так, для детского сада, да ещё для таких же повёрнутых вроде меня. Молча, скрепя зубами, продираясь сквозь сокращающееся финансирование, застывшие в прошлом веке зарплаты и неуклонное обветшания кораблей, - кому нужны сейчас разведчики ищущие цивилизации, когда гораздо прибыльнее и понятнее искать ресурсы для накопления власти? - мы продолжали оставаться верными своей главной цели — поиску смысла разумной жизни и её дальнейшей дороге.

Смысла не заложенного природой, и дороги не проложенной эволюцией - они лишь решали свои сиюминутные задачи по выживанию, - но найденной и увиденной нами.

Погоня за знаниями, за будущим - вот чем были те аборигены. Блеском маяка, посреди шторма жизни, от которого мы предпочли отгородиться.

Но я сдал.

Перестал надеяться.

Мне стало казаться, что дальше нет смысла идти, что я уже подошёл к своему конечному пункту на этой дороге, так и не добравшись даже до мало-мальски приличной остановки, где можно было бы оглядеться и найти что-нибудь полезное.

Тяжесть груза приковала меня к земле.

И вот вспыхнул самый долгожданный знак на путеводительной панели.

То была необычная цивилизация. Очевидным было то, что она пережила ужасающую, рукотворную катастрофу. Те, кого я нашёл, были лишь остатками прежней цивилизации, чьей силы хватило забросить своих сынов на порог космоса.

Осторожно, чтобы не выдать своего присутствия, поднявшись к верхним слоям атмосферы, с включённой маскировкой, делавшей корабль совершенно незаметным, я завис над их поселением.

Точнее поселений было несколько сотен, но все они разбросанные друг рядом с другом и соединённые дорогами, едва угадываемыми из-за густоты леса, образовывали нечто вроде размазанного плашмя города.

Оптика в полных подробностях позволяла рассмотреть всё, что творилось подо мной внизу. Первым, что вызвало удивление стали дома. Они были таких странных форм, каких нельзя было бы встретить нигде на моей родине. Создавалось ощущение, что их нарочно строили так, чтобы они сливались воедино с окружающим миром, казались прихотью природы, решившей поиграть в архитектора, а не творением разумных существ. Будто строители боялись выделить своё присутствие или не желали этого.

И всё же было заметно, как постройкам не хватало завершённости, какой наделяет природная стихия даже обрывы скал или источенные временем камни, бесконечные равнины или громоздящиеся друг на друга куски льдин.

Для себя я решил, что непременно надо будет выяснить причину такого подхода к планированию и оформлению городов.

Вместе с тем стало понятно, что видимые мной сооружения - не хижины дикарей: они требовали серьёзных познаний в строительстве. К тому же, анализ материалов проведённый Глазастиком, подтверждал их сложную молекулярную структуру. Они имели явно не природное происхождение. Где-то должны были существовать заводы по их изготовлению.

Скрытая техногенная цивилизация?

Вся полученная информация тщательно мною собиралась для пересылки тринадцатому.

Любознательство чрез меры овладело мной. Я спустился ещё ниже, желая рассмотреть находку ближе.

В разбросанных посёлках удалось угадать какую-то закономерность: пусть и схематично, однако с высоты было видно, как дороги были точно тоненькими жилками стилизованного листа дерева, на концах которых, располагались скопления домов. Центральной же жилкой служила гладь неспешно текущей реки.

Дома представляли собой множество вариаций одной идеи: в строго просчитанном беспорядке закрученные вокруг пустого центра лепестки цветов, застывшие, будто за мгновение до того, как рассыпаться. Некоторым почти удавалось вырваться из захватившего их ансамбля, и тогда они изгибались, как может изогнуться балерина, но крепкие руки партнёра удерживали её от падения.

Удивительно.

Доставляло физическое удовольствие переводить взгляд с одного дома на другой, видеть, как они отличаются друг друга в мелочах. Совершенно поразительное явление, невозможное у меня дома, где балом правили совершенные формы конструктивизма.

С удивлением и детским восторгом я смотрел на чуждое моему восприятию проявление найденной разумной жизни.

Затем, сумев насытиться видом домов, я начал искать тех, кто всё это выстроил. От чего-то ещё не один абориген не попадался мне на глаза. Целенаправленно начатые поиски закончились невольным возгласом, когда я увидел, насколько сильно их внешность была схожа с нашей.

Целая толпа высыпала с одного здания. Все в ней оказались с оголённым торсом, ноги были скрыты под грубыми штанами, что позволило рассмотреть их.

Анатомическое сходство удивляло, хотя кожа аборигенов была странного белого цвета, совсем не обладая здоровым серебристым оттенком, а походка была довольно странна. Они как будто крались, спрашивая позволения каждый раз, когда их ступни касались земли, стараясь как можно меньше тревожить её. В их движениях не было и капли той силы, той уверенности, присутствующей у нас. Каждый наш шаг был уверенным продолжением предыдущего, в то время, как у них чувствовался сбитый ритм, не восстановившейся до сих пор.

С высоты это было не так заметно, но как сумел довольно точно измерить Глазастик, рост их оказался гораздо ниже среднего и не каждый взрослый был мне по грудь.

В последствии я решил, что хоть это и было любопытным, но, в конце концов, не было странным: при схожих условиях жизни эволюционные процессы всегда выбирают схожие пути развития, как наиболее простые и менее затратные для усовершенствования организма.

Поистине же перевернув моё сознание стало то, что при общей схожести мышления и понимания мироустройства, мы были настолько разными, насколько это вообще возможно. Понял я это не сразу, а лишь когда произошло непредвиденное знакомство с одним из людей - так они себя называют.

Мне, как разведчику, но не специалисту по налаживанию контактов с разумными формами жизни, запрещено всякое обнаружение своего присутствия. Поэтому, закончив первичное наблюдение, я улетел искать место для посадки.

Согласно инструкциям мне должно было найти удалённое место, где бы не было заметно присутствие аборигенов; обезопасить район от случайных проникновений и продолжить работу по дистанционному изучению найденного вида.

Прежде чем улететь, мне предстояло несколько дней дополнительных исследований. Вся собранная информация направлялась тринадцатому, где её изучала группа научных сотрудников. Для безопасности первого контакта и предотвращения «роковых казусов» нужно было собрать как можно больше данных о людях. В первую очередь выстроить карту их социума, их уровня технологического развития, понять логику, психологию, обычаи, чтобы не возникло конфликтных ситуаций; по возможности составить историю их существования, но самое главное - изучить язык и составить разговорник. Этим должен был заняться Глазастик, умевший обрабатывать и анализировать в реальном времени чужую речь, находить закономерности, сопоставлять интонацию, произносимые звуки, жесты, письменность, если выпадет удача достать образцы и многое другое.

Подходящее место было найдено, Глазастик аккуратно приземлился.

Работы предстояло много.

На следующий день я впервые вышел наружу и вдохнул, через фильтры скафандра, местный воздух. Пусть взятые мною пробы говорили о безопасности нахождения без скафандра, рисковать я не хотел. Всё таки мой организм мог самым бурным образом среагировать на местные бактерии. Не хотелось умереть от аллергической реакции.

Найдя более-менее свободную площадку я запустил колонию автоматизированных роботов размеров в сотню раз меньше, чем вирус. В одной миниатюрной герметичной коробке, размером с кругляш таблетки, их было несколько миллионов. Мы научились выращивать таких роботов, как в своё время кристаллы для полупроводников. Задача их состояла в распространении в намеченных на карте областях и передаче информации на станцию приёма.

Станцию я отправил следом. Она представляла собой диск, диаметром с обычную обеденную тарелку, способный висеть на высоте и оставаться незаметным, благодаря особой материи преломляющей сквозь себя всякий свет. Обладая более мощными средствами связи, станция накапливала миллиарды потоков данных от всей колонии роботов и передавала Глазастике, где я уже видел обработанные и отсортированные результаты. Они то и шли дальше тринадцатому, после моей общей проверки ключевых показателей.

Вскоре начали приходить первые данные. Язык, на изучение которого в первую очередь были направлены все ресурсы, оказался довольно сложным. Глазастик трудился целых два дня, чтобы составить сносный базис из слов, словообразований и их возможных переводов, прежде чем преступить к дальнейшему изучению речи.

Всё это время, прерываясь на краткий отдых и сон, я сидел в рубке, где наблюдал, изучал и удивлялся изобретательности людей придумавших столь живой язык. Мне даже показался он избыточным, ведь одно и то же чувство, могло выражаться десятком разных слов, обозначавших разные полутона.

Я был счастлив.

За работой я не позволял себе думать о том, какая слава, возможно, ждала меня дома.

Если там не разразилась война, конечно.

Мысли о войне проскальзывали даже сейчас.

К концу второго дня я с огромным удивлением осознал, что оставшиеся в живых всё-таки сумели каким-то образом сохранить в себе культуру цивилизации, не деградировав до первобытного уровня, что было более чем вероятно. Пользуясь правом надстоящего разума, я даже успел предположить, что все постройки были возведены во время прошедшего пика, а они лишь жили в них сейчас, пользуясь забытыми достижениями, о чём говорила их непритязательная одежда, но как показали взятые пробы — какие-то из домов были моложе моего Глазастика.

Всё это более чем прозрачно говорило о том, что люди до сих пор обладали продвинутыми технологиями. Нашлись и прямые этому свидетельства. Благодаря миниатюрности роботов, могущих проникать в самые недоступные места, они составили карту и оказалось, что под землёй простираются целые улицы ведущие от одних огромных залов к другим. Я предположил, что там и были заводы.

Почему же тогда они, имея возможность попытаться восстановить свою цивилизацию, по неведомым для меня причинам, не делали этого? Наоборот - сдерживали свои знания, находя применение лишь тем, трансформируя их самым не очевидным и не оптимальным образом, какие способны были стать естественной частью природой.

Поразительно было для меня узнать, - я даже подскочил, когда понял, - что электричество они получали от солнечных батарей, но совершенно не таких, какие можно себе представить. Они не содержали ни грамма металлов, а значит в них не было ни каких диодов или сверх прозрачных стёкол, как и аккумуляторов. Производство их было настолько естественным, насколько это было возможным.

Солнечными батареями, как выяснилось, служили прирученные и аккуратно модифицированные с помощью высшей генной инженерии, какой нет и у нас, растения. Внешне они ни чем не отличались от обычных, лишь только большая площадь листьев и большее их количество слегка выделяло по сравнению с обычными деревьями. Накопителем же служил сам ствол, откуда люди каким-то непонятным образом получали электричество.

- Аха-ха! - захохотал я во весь голос, представляя, как удивятся на тринадцатом, - вот вам — остатки цивилизации. Попробуйте ка такое состряпать дома! - сам не зная от чего, радовался я.

Как же это было диковинно! Удивительно! И... И непостижимо! Такой результат я никак не мог ожидать.

- Ведь посуды сам, - начал я рассуждать вслух, жуя съестной пакет разведчика, - ведь получается, что они — люди - добровольно ограничивают своё развитие. Так? Так. Зачем? Ведь так они, совершенно понятно, осознанно рискуют никогда не воспользоваться сохранённым ими же самим вторым шансом. Верно говорю, Глазастик?

Я посмотрел на панель, куда каждую секунду приходили миллионы строк новой информации.

- В коче, м, коншов, - прожёвывал я субпродукт, - это просто таки вопиющая недалёковидность и расточительство! Ведь это так! Хм.

Я остановился и даже испытал брезгливость к ним, бездарно проживающим свои жизни.

В этот же день стало известно, что местные аборигены когда-то покорили свою звёздную систему. Пришли отчёты от других разведчиков, нашедших заброшенные колонии на спутниках газовых гигантов. Где-то даже нашли мумифицированные останки людей.

На третий день работы, чувствуя, что требуется отдых и перезагрузка мозгов, я вышел из корабля. Решил пройтись по округе, не отходя слишком далеко.

Меня интересовали образцы растений, что тоже было частью работы, но в первую очередь хотелось полюбоваться и проникнуться новым миром. Дать шанс ему полюбить себя.

Поэтому, ещё раз проверив воздух на наличие опасных патогенов и выпив, на всякий случай таблетки, создающие искусственную иммунную систему, как броня охватывающую весь мой организм, я рискнул выйти без шлема.

Лесной шум окружил меня со всех сторон. Где-то недалеко слышался бег ручья, над головой шумели листья, множество незнакомых запахов растревожили мой нос, так что первое время хотелось постоянно чихать; повсюду стрекотали насекомые, слышался треск какого-то лесного плотника: мне удалось его рассмотреть — то была птица с красным пятном на голове, она что-то выискивала в дупле дерева.

То пригибаясь к земле, чтобы лучше рассмотреть заинтересовавшее растение, то подходя вплотную к деревьям, проводя пальцами по их влажной коре, то прислушиваясь или высматривая что-нибудь в стороне, я продвигался вперёд, не забывая, однако, где нахожусь. Одну руку я постоянно держал сбоку на бедре, где был прикреплён пистолет.

Я почувствовал, как от некоторых деревьев волнами шёл сильный, приятный запах; я подошёл к одному из них поближе: вместо листьев у него были какие-то иголки, а терпкий, кружащий голову запах стал почти таким же густым, как дым от костра. Мне он понравился, я захотел взять образец. Однако вопрос, заданный мне, застал врасплох:

- Кто здесь? - послышался настороженный, старческий голос.

Я замер и крепче ухватил рукоятку пистолета.

- Пусть ты и остановился, но я всё равно слышу твоё дыхание. Ты не зверь, но и не человек — слишком далеко отсюда селения людей. Да и запах от тебя вовсе не человеческий. Так кто же ты? - требовательно спросил незнакомец.

Моя растерянность удвоилась, потому как я совсем не понимал речь. Знал только, что каким-то образом сюда забрёл человек и мог только догадываться о его вопросах.

Я уловил какое-то движение сбоку от себя, но сам ещё не шевелился.

- Что же ты молчишь? - голос человека, пусть такой же дрожащий, но уже утративший нотки беспокойства, вновь долетел до моих ушей, - Хоть я и слеп, но мои уши и нос ещё никогда не подводили.

Наконец я решился осмотреться. Неожиданный гость стоял за деревьями, в нескольких шагах от меня. Одежда на нём была ветхая, как и он сам; какая-то мешковина скрывала его тело: стянутая сзади на спине, она свободно свисала на впалой груди. Редкие его волосы скорее напоминали растрёпанную паутину. Сапоги на ногах были выше колена и казались непропорционально большими.

Человек смотрел прямо перед собой ничего не видящими глазами.

Стараясь не шуметь, я пошёл прочь от него. Человек услышал меня - повёл головой в мою сторону, но больше не произнёс ни слова. Он стоял на полусогнутых ногах всё в той же позе, держа какие-то инструменты в своих старых руках с узловатыми пальцами.

Я вбежал на корабль, закрыл за собой люк.

Усидеть на месте не получалось. Я то вставал, то садился, то опять вставал и всё порывался что-нибудь сделать. Случившаяся встреча не давала мне покоя. По

правилам мне требовалось доложить о непредвиденном происшествии, но я медлил. В конце концов, восстанавливая в памяти произошедшее, я вполне осознал, что человек не мог видеть меня — он был слеп.

Значит и как такового контакта не могло быть. Тогда тем более не было причин не говорить об этом тринадцатому.

И всё же.

И всё же хотелось бы знать, что он говорил, как оказался здесь и почему я испугался этой встречи сильнее, чем он? Как будто он был готов, а я нет.

Сколько в таких метаниях прошло времени сказать бы не смог ни сейчас ни после. Как будто я выпал из течения и оказался на берегу реки, несущей в своих водах время.

Сесть за работу не получилось бы при всём желании, когда мысли крутились вокруг того человека оставшегося снаружи, за кораблём.

- Ну, что же Глазастик, была не была, - решился в конце концов я. Взяв с собой компьютер, чтобы он переводил речь туземца, если тот опять обратится ко мне, я направился к месту встречи с человеком.

Стараясь соблюсти какую-никакую осторожность, я решил выйти к нему не напрямую от корабля. Для этого сделал небольшой крюк и показался с противоположной стороны.

Старика я застал там же, уже за работой. Вначале я решил, что ошибся, и он всё-таки не был слепым. Ведь он рисовал. Перед ним стоял мольберт с холстом, а в руках он держал краски.

Но в итоге, по его движениям я понял, что всё таки глаза его ничего не видели. Однако, как это я наблюдал со стороны, он с поразительной уверенностью наносил один штрих на другой и на холсте вырисовывалась довольно точная картина природы перед ним.

На сколько мог осторожно, я приблизился.

- Знаешь, - вдруг сказал он, обращаясь ко мне, никого другого рядом больше не было, - я рисую картины всю жизнь, и теперь мне даже не нужно зрение, чтобы рисовать. Я чувствую всем собой то, что все остальные видят лишь одними глазами.

Мягкий наушник, влитый мне в ухо, подстроившись под голос говорившего, практически синхронно повторял за ним, но уже на родном языке. Я знал, что перевод не может быть научно точным, ведь для этого необходим не один месяц работы, но, надеялся, что смысл сказанного не ускользает от меня.

- Однако сейчас, мне кажется, я рисую то, чего пока не могу постигнуть. Откуда вдруг на картине, полной живых, тёплых красок земной природы, появился этот металлический отблеск? Разве может быть он в этом первозданном лесу?

Я стоял уже совсем близко и мог видеть, что человек опустив руки, смотрел на свою картину как бы в раздумье. Я тоже глянул на неё и отступил на шаг. За деревьями виднелся, отливающий металлическим сплавом, корпус моего Глазастика. Я глянул перед собой - увидел только частокол ровных стволов, надёжно скрывающих от зрячего корпус корабля.

- Хотя, да. Кажется понимаю. Видимо это корабль, что принёс тебя сюда из космоса, - не спрашивая, а утверждая сказал старик. Он не оборачивался, продолжая рассматривать Глазастика каким-то образом появившегося на картине, - ничем другим это быть и не может. Да и металлический привкус на языке может быть только от него. Он изменил воздух, я чувствую.

- Да, этот корабль мой, - произнёс я, а компьютер перевёл слова на человеческий язык.

Художник вздрогнул и кисть выпала из его старческих рук.

- Прости, - сказал он, - всё же мне немного страшно. Что позволительно старому слепому человеку посреди леса в такой ситуации. Твой второй голос, изъясняющийся человеческим языком, оказался слишком громким.

Я убавил громкость динамиков.

- Так?

- Пожалуй, да, так лучше. Спасибо.

Кисть его по-прежнему лежала на земле, повиснув на упругих стеблях травы. Я нагнулся, чтобы поднять её. Рукоять была деревянная, густо залитая краской всех оттенков в несколько слоёв. Щетина была мастерски подогнана, образуя тонкий конец, позволявший вырисовывать самые мелкие детали. Даже жилки листьев, просвечиваемые лучами солнца.

- Вот, держи, - сказал я и протянул кисть.

Человек полуобернулся ко мне, я впервые глянул ему в глаза. Они оказались затянутыми белой, едва прозрачной плёнкой.

Художник смотрел в сторону, но протянул руку туда, где я держал кисть. Я постарался аккуратно вложить её. Когда человек почувствовал близость моей руки едва уловимым движением он прикоснулся ко мне самыми кончиками пальцев.

Кисть упала в его раскрытую ладонь, а мы оба одновременно вздрогнули. На мне не было перчаток, и шлема. Всё это я впопыхах оставил на корабле. Поэтому смог почувствовать его прикосновение. Оно было мягким, как подушки у меня дома в пустующей кровати и тёплым, как струйка воды из душа.

- Прости моё любопытство, я художник, мне интересно познавать всё новое, что создано и воплощено природой.

- Ты считаешь меня частью вашей природы?

Художник улыбнулся:

- Нет нашего или вашего. Всё одно. Всё одно.

Наверное, компьютер что-то неправильно перевёл, я не смог понять смысл его ответа. Художник же, ловко обмакнул кисть в нужной краске и продолжил рисовать.

Я остался стоять рядом. Наблюдал, как один мазок ложился на другой и получались листья на деревьях; видел, как кисть скользила по холсту, едва касаясь его, а за ней оставался след из солнечного света — он пробивался сквозь непривычную глазу зелень, отражался от корпуса Глазастика. Я видел, как вырастали деревья, расцветали цветы, зарождалась жизнь.

- Позволь спросить тебя.

- Спрашивай, - ответил я.

- Как ты оказался здесь?

- Я разведчик. Это мой последний полёт, ухожу на покой, - сам не зная почему добавил я. Неужели сожаление проскользнуло в моих словах?

Кисть художника замерла над столбом солнечного света.

- Хм. Последний и так повезло тебе — наткнулся на нас. Наверное не часто такое бывает?

- Да, не часто, - согласился я.

- Мда. Мда. Что же, если ты разведчик, значит вслед за тобой придут и другие?

- Да.

- Они прилетят сюда на таких же совершенных кораблях, как и тот, что разнообразил отражение природы на холсте?

- Глазастик? Нет, на ещё более совершенных. Мой корабль уже стар, чтобы считаться венцом того, что смогли мы изобрести.

- Мне всегда казалось, что совершенство незыблемая величина застрявшая в собственной темнице. Никогда мне ещё не доводилось видеть её в выстроенном разумом мире. Но я понимаю твою логику.

Я тщательно вслушивался в то, что переводил мне компьютер, прокрутил несколько раз ответ, но вновь не смог постигнуть смысла. Какими-то загадками говорил человек. Либо ещё слишком плохо был разобран их язык.

Художник тем временем спросил ещё:

- Наверняка ты не один разведчик, вас много.

- Сотни.

- Не мало. Не мало. Так что же вы все ищите в космосе?

Я пожал плечами.

- Наверное, разум.

Даже за щедрое вознаграждение я бы не смог пояснить, почему сказал «наверное». Возможно потому, и я это понял, когда был задан прямой вопрос, что мы уже перестали искать его. Разум. Он обесценился с точки зрения экономики, развития, прогресса: той модели мира, что нагромодилась у нас дома. Десятки сильных доводов прогнали его с информационного поля.

Человек улыбнулся.

- Разум. Изрядно же вы отклонились от курса.

- Изрядно... почему? - не сразу понял я о чём говорил мой странный, в чём я уже не сомневался, собеседник.

- Потому что разум надо искать в первую очередь в самих себе, а не на далёких планетах. На других планетах ищут или ресурсы или ответы на совершенно иные вопросы.

- На какие же?

Художник пожал плечами.

- У каждого они свои. Однако всё одно. Да, всё одно.

Старик вдруг начал рисовать так быстро, что я едва успевал уследить за его рукой. Я понял, что ему не нравится Глазастик в нынешнем виде. Он был чужеродным пятном на картине.

Рука двигалась, кисть рисовала, а тело его оставалось неподвижным. Я испытал восхищение. Как мог слепец так ясно видеть?

Какими-то тайными художественными приёмами он вписал корабль в окружающий его мир. Теперь он не казался чужеродным пятном, оставаясь при этом инопланетным гостем.

- Мне кажется, что так лучше, не находишь?

- Да, мне нравится, - согласился я.

- Это хорошо.

- Как ты рисуешь?

Человек улыбнулся, видимо он давно ждал такой вопрос:

- Ты спрашиваешь, потому что видишь, что я слеп?

- Да.

Старик склонил голову на бок, точно обдумывая ответ.

- Знаешь, я и сам не могу тебе сказать, как получается, что кисть ложится на холст ровно так, чтобы получалась картина. Как и не могу сказать, как вижу то, что переношу на холст. Видимо, всё дело в том, что мне повезло избавиться от

посредничества глаз, часто отвлекающихся на ненужные мелочи и научиться обращаться напрямую к сердцу.

Художник отошёл от картины на три шага, как бы окидывая взглядом получившейся результат, затем повернулся ко мне.

- Вижу, что тебе тяжело понять меня. Это потому что ты привык думать на своём языке.

- Наверное. Ваш язык не прост.

- Наверняка, как и ваш будет для меня.

Старик поднял голову к небу:

- Однако солнце уже клонится к закату, пусть здесь в это время никогда и не бывает тёмных ночей, но я устал и хочу отдохнуть.

- Ты уходишь?

- Да, к себе, но если хочешь, то можешь пойти со мной, тут недалеко.

Я удивился такому доверительному предложению. Человек совсем не знал меня.

- Прости, мне нельзя покидать корабль.

- Понимаю. Понимаю. Картина ещё не закончена, я приду сюда завтра.

Мы расстались.

Погрузившись в свои мысли, сбивающие друг друга, я вернулся к Глазастик. Он стоял на прежнем месте. Странно, но я как будто посмотрел на него через окно открытое человеческим художником и увидел его чужеродность здесь. Откуда она могла взяться, если этот мир был для меня чужим, а не тот, чьей частью был мой верный Глазастик.

Совершенно необъяснимые чувства овладели мной.

И вновь я стал ребёнком, способным с раскрытой душой принимать всё на веру и удивляться смело, без рациональных ограничений.

С душой утомлённой, но успокоенной, я уснул.

Назавтра я застал человека на том же самом месте, даже ножки мольберта были воткнуты ровно в те же ямки, что остались со вчерашнего дня.

- Доброе утро, разведчик, - поздоровался он со мной, хотя мне казалось, что ступаю я совершенно бесшумно.

- Доброе утро, - поздоровался и я, однако мыслями был глубоко внутри себя.

Человек прервал свою работу, повёл головой в мою сторону:

- О чём ты беспокоишься? Не сочти мой вопрос за праздное любопытство. В твоём голосе я услышал, как тебя что-то тревожит.

Действительно, проснувшись на удивление бодрым, выпавшемся, за скорым завтраком перед путеводительной панелью, я испугался того, как легко нарушаю правила. Испугался вдруг появившейся у меня безответственности, как будто я был не опытным разведчиком, а каким-то героем подростковой фантастики, беспечно престаупающим всевозможные правила.

- Да, - мгновение поколебавшись, я решился быть откровенным — зачем врать? - меня действительно кое что беспокоит. Вольно или невольно, я нарушил правила и вступил в контакт с тобой — представителем инопланетной цивилизации, - что запрещается. Об этом мне надо было сразу сообщить, но я до сих пор этого не сделал.

- Понимаю, понимаю, - без тени иронии задумчиво ответил человек, - что же ты намерен делать?

- Не знаю. Ведь сообщать так поздно — значит..., - я пожал плечами.

- Что же, пока у нас есть время.

Задумавшись на мгновение, человек почему-то повторил, как будто вычисляя это самое время:

- Да, время ещё есть. К тому же, вполне возможно, тебе не потребуются никому сообщать.

- Почему? - спросил я.

Человек не ответил, вновь сосредоточившись на картине.

Мне она казалась уже полностью завершённой, но каждый новый штрих, ложившийся точно туда, куда было нужно художнику, удивительным образом обновлял её, привносил законченность отдельным элементам, а вместе с ними и всему пейзажу.

Солнце успело проделать не малый путь по небосклону, когда художник наконец остановился.

- Вот, кажется и всё.

Я всмотрелся. Картина была... нет, не безупречной или идеальной, какими словами мы привыкли хвалить художников у себя, но она, как будто дышала. Была такой же живой, как и окружающий нас лес.

- Всё дело в порах, - ответил человек на вопрос, какой я не задавал.

- В каких порах?

- Да, ведь кожа не гладкая, как стекло, даже у младенца: она фактурная, имеет множество шероховатостей, микроскопических ранок и буквально вся испещрена порами. Эти то поры и решают всё.

- Ты их и рисовал?

Привычная тишина стала мне ответом. Художник смотрел прямо на свою картину, а затем закрыл глаза:

- Да, всё. Всё. Больше не получится ничего добавить, чтобы не испортить.

- Почему ты закрыл глаза? - спросил я удивлённо и немного раздражённо уже ожидая, что и этот мой вопрос будет проигнорирован. Человек имел привычку отвечать на те вопросы, что не задавались, по крайней мере вслух и молчать на те, какие я задавал.

- Ах, это. Это потому, что мы, человеческие существа, очень неохотно меняем свои привычки. Конечно я мог не закрывать, но когда закрыл — это послужило для моего сердца сигналом. Оно увидело, и я вместе с ним, всю картину целиком. Что же, он вполне неплох.

Не уверен, что я всё понял из объяснений человека.

- Ты не против того, как твой корабль получился на холсте? - с волнением творца, представившем на суд свою работу, обратился человек ко мне.

Мой Глазастик казался уснувшим под одеялом из мха. Почему-то мне показалось, что он был таким всегда.

- Нет, нет. Мне нравится.

Я решил задать вопрос, мучающий меня ещё с прошлого дня:

- Как ты оказался здесь? Ведь поблизости нет ваших селений.

Человек развёл руками:

- Пришёл, - ответил он и извиняющая улыбка коснулась его уст, как будто прося прощение за то, что ответ был именно таким.

- Ведь ты слепой.

- Ты слишком акцентируешь на этом внимание, - как мне показалось в словах промелькнула досада, - хотя разведчику это простительно. Я не могу видеть, но я не мёртв. Остальные чувства восполняют утрату.

- Но как ты смог прийти так далеко?

- Это один из тех вопросов, на который я не могу знать ответ, прости. Просто иду и надеюсь, что мой путь куда-нибудь меня выведет.

Мне опять было тяжело понимать моего нового знакомого. Я терпеливо пытался прорваться сквозь иносказательность его ответов.

- Но где ты берешь себе еду? - попробовал зайти я с другой стороны.

- Несу с собой. Мне много не надо. Главное, что есть чем рисовать. Вот когда краски закончатся или испортится кисть, тогда я приду в город, где обменяю свои картины на необходимое, чтобы вновь иметь возможность рисовать.

Художник принялся укладывать инструменты.

- Уходишь? - с тревогой спросил я. Мне не хотелось чтобы он уходил, я чувствовал, что хочу о многом его расспросить, только не знал как, с чего начать.

- С хорошего чаю, - вдруг сказал человек и предвкушение удовольствия осветило его старческое, морщинистое лицо.

- Чай?

- О, да. Это моя слабость. Обожаю чай. Совершенно божественный напиток, особенно когда свежий; заваренный на только что собранных травах. Сейчас как раз самое время, составишь мне компанию. Пошли.

Я замешкался. Человек почувствовал моё замешательство.

- Далеко мы не уйдём, а к ночи, обещаю, что отпущу тебя на корабль.

Так настал самый удивительный вечер в моей жизни.

Я помог донести своему непредвиденному знакомому мольберт до места его стоянки. Оказалось, что это была обыкновенная палатка, устроенная под высоким, разлапистым деревом.

- Пихта, - сообщил он мне, - её запах лечебен, а я, как видишь, довольно дряхл уже. Ты, наверное, и раньше чувствовал её аромат, лес полон им.

Мы устроились у входа в палатку. Набросав на остывшие головёшки сухих веток, человек разжёг костёр. Над ним он повесил котелок с водой и травами.

- Немного подождать и будет готово, - радостно сообщил он, причмокивая губами и потирая руки, - самое вкусное, что только есть — это свежий чай и ложка мёда с сотами.

- Мёд. Продукт переработки насекомых, - вслух прочитал я тут же добытую справку Глазастика.

Старик рассмеялся.

- Да, можно и так сказать. Пчёлы. Всё они, трудяги, вечно в заботах. Однако ты хочешь поговорить о чём-то другом. Можем начать, пока чай готовится, а там глядишь и подоспеет. Разговор и чай.

Я кивнул, забыв совершенно, что человек ничего не видит.

- У меня много вопросов.

- А у кого их нет? Вопросы и поиски ответов на них составляют всё нашу жизнь. Хотя, в собеседники выбрал ты не самого учёного человека из когда либо грешащих на нашей многострадальной Земле, но постараюсь тебя не огорчить своими познаниями.

Не зная, как правильно задать вопрос, чтобы получить те ответы, какие желаю услышать, я спросил:

- Расскажи мне, пожалуйста, обо всём.

- Обо всём! Ух ты! Широко замахнулся. Обо всём. Хм. Хотел бы я знать и сам всё обо всём. Здесь стоит подумать, прежде чем начать. Да. Подумать.

Старик замолчал, помешивая большой ложкой чай в котелке. Растревоженный аромат отдалённо напомнил мне о доме. Очень похоже пахли полевые растения и у нас, когда их собирали. Как это было бы не странно. Наверное в мире не так и много разнообразия, хотя, скорее всего, дело в не самом совершенном мозге и обонянии. Они стремятся отыскать хоть что-нибудь знакомое, даже находясь на бесконечном удалении от дома, поэтому с радостью обманываются, почувствовав первую ноту чужого запаха, ассоциируя его с сохранившимися в памяти запахами и пробуждая наиболее подходящий.

Пригубив чай из ложки, художник удовлетворённо причмокнул и довольно закачал головой. Затем достал мешочек и высыпал в котелок сушённые красные ягоды.

- Шиповник, насытит аромат и придаст сил.

Я терпеливо ждал, вполне осознавая, что человек меня заинтересовал. Для себя я сделал вывод, что он был необычным не только для меня, но и среди своих сородичей, наверняка, слыл чудаком. Уж слишком странно он себя вёл.

Не знаю как так случилось, но только тогда, сидя у костра с человеком, я впервые обратил внимание на то, что лес был полон жизни. Наблюдая, как пар поднимается над котёлком и перемешиваясь с дымом, уносится вверх, я увидел парящую в небе птицу. Затем, вдруг разом, на меня нахлынули ото всюду лесные шумы. Я слышал их и раньше, но только теперь смог расслышать не просто фон моим мыслям, но разговор тысяч тварей друг с другом. Птицы перекликались сидя на деревьях, где-то не вдалеке журчал ручей, оповещая о себе жаждущих напиться, деловито летали насекомые, шумела листва под прохладным ветром. Стучало, стрекотало, вздыхало, скрипело со всех сторон.

Я вертел головой, стараясь увидеть источники этого дыхания жизни, одинакового для всех.

- Вот ты и познакомился с Землёй, - не иначе, как почувствовав моё удивление от сделанного открытия, заговорил человек, - наверное, не будет ошибкой сказать, что мы мало чем отличаемся.

Я невольно поморщился. Всё таки это я прилетел сюда, а не они к нам. У нас цивилизация сумела развиваться, а рухнуть вниз.

- Может не физиологически или технологически, но духовно, иначе бы вы не стали летать за тридевять земель.

Когда-то мы тоже искали разум, но так же как и вы не там. Все наши помыслы честолюбиво были направлены на покорение. Покорение всего вокруг нас. Мы изучали, чтобы использовать, исследовали, чтобы подчинять, изобретали, чтобы заставить работать на благо нашего «я». В итоге мы сами же себе и подготовили очень крепкий урок, не обратив внимание на целую кучу его предвестников. Попросту проигнорировали их.

- Война?

- Кхе. Войн было много на нашем веку. Они разливались, как океан не знающий границ, всякий раз там, где обосновывался человек. Разум то у нас появился, да вот справиться с нашей сущностью не мог. Потому и воспринимались войны как что-то неизбежное, а некоторые — как вполне подходящий инструмент для получения желаемого. Вся наша история — война.

Во мне ещё не улеглись чувства задетые прямым сопоставлением человеком нас. Всеми силами хотел я противопоставить что-то в ответ, сказать, что наше общество смогло избавиться от них, изменилось, только не смог, остановился.

Война. Дурно пахнувший призрак её вновь шевельнулся внутри меня. Что сейчас происходит дома?

Наверное, поэтому и задал вопрос:

- Вам не было страшно?

- О! Ещё как было! Хотя, - немного подумав добавил, - за всё наше тогдашнее человечество отвечать не могу. У слишком многих война не значилась в числе страхов.

- А зач.. точнее, почему делались войны? Ресурсы?

Человек на мгновение замер. Он как будто услышал что-то неожиданное в моих словах.

- Как будто послышалось, - сказал он очень тихо, так что компьютер не расслышал точно и не смог перевести мне.

- Что?

- Ты спросил про войну. Да, она привела к бесславной и закономерной кончине всех наших психологических мифов об исключительности, о высшей ступени развития, играючи разрушила все наши замки выстроенные на самообмане. Мы оказались ничуть не лучше животных, даже хуже их. Когда все сдерживающие границы были преодолены, мы очертя голову бросились дальше.

Война случилась очень страшная, очень разрушительная война. Случилась она не в раз. Пламя её тлело давно, иногда угли удавалось почти полностью затушить. Однако всегда было это «почти». Чем дольше мы откладывали её, - а самые мудрые из нас пытались это сделать: отложить, отсрочить, а потом и вовсе свести её появление на нет, - тем сильнее другие из нас желали её рождения. В конечном итоге, корчась в судорогах, она появилась на свет и тут же обрушилась на всех с остервенением уничтожившего свою душу человека.

Я наблюдал за лицом художника и готов был поклясться, что увидел, как дым прошлого, озаряемый вспышками адского пламени, пробился через кожу на его лице. Но нет, то были лучи низко висящего над горизонтом солнца.

- Хотел бы я сказать, что мы осознали и сами прекратили войну, но нет. Нет, такого не было. Всё случилось иначе. Война сама себя пожрала: возможности воевать закончились прежде, чем все мы погибли.

Много страшного оружия было обрушено на Землю. Водородные бомбы — были самым малым из тех средств, что применялись нами. Были гораздо страшнее.

- Бактерии, вирусы? - спросил я.

- Нет, но применили бы, если бы умели тогда науськивать их на тех, кого считали врагами, а не на всех людей подряд. Климатическое оружие.

- Вы научились управлять климатом своей планеты? - удивлённо спросил я.

Старик горько усмехнулся.

- Ну, управлять — это громко сказано. Скорее научились надавливать на болевые точки Земли, причиняя ещё большую боль.

В то время наши мысли, исследования, размышления и планы выстраивались только вокруг того, чтобы найти ещё одну слабость и эффективнее её использовать.

- Вы уничтожили друг друга.

- Как видишь, не совсем. Но были весьма близки к этому. Называй чудом или наказанием, но какая-то часть из нас выжила.

- Как вам удалось не растерять..., - я замешкался, стараясь подобрать нужное слово.

- Человечность?

Я кивнул

- Мне кажется, что человечность, точнее то, что мы стали вкладывать в это понятие, нас и сгубила. С помощью неё мы попытались отгородиться от природы, поставить себя вне рамок. Глупо, конечно. Всё равно что попытаться выжить без головы или считать свой разум, чем то волшебным, неким соусом, политым на мозги и не являющемся целиком и полностью такой же частью нас, как и чувства.

Понятие человечности, как результат появления у нас интеллекта, нужно было не для выстраивания метровых заборов, а для постижения своего места в структуре мира и поиска дальнейшего пути, ответов. Мы же, как это хорошо умеем, всё переврали.

Эволюция подошла к своему неизбежному этапу, а мы не поняли этого, занятые решением изначально ошибочной задачи: как сделать себя особенными.

Человек опять пригубил чай. Что-то ему не понравилось и он, кинув туда ещё какие-то листья, прикрыл котелок крышкой.

- Мне показалось, что вы пытаетесь изучить природу, - высказал вслух я своё предположение, - пытаетесь найти себя в ней.

- Скорее слиться с ней. Получается только плохо. Видимо ты решил так смотреть на наши города?

Я кивнул. Удивительно как художник уловил моё движение.

- А вы, разве вы не пытаетесь её понять? - обратился он ко мне.

- Мы её изучили, - не без гордости ответил я, - и сумели направить её бесконечную мощь для развития своей цивилизации.

- Высокие слова, - задумчиво проговорил старик, - способны внушить трепет.

Сидя напротив человека, я отчётливо почувствовал своё превосходство. Мне не хотелось унижить его, наоборот, я стремился найти с ним общий язык, но не мог заглушить ощущение преимущества над проигравшими в борьбе. Они так и остались на своей планете, хотя у них были все шансы. Мы же прямо сейчас покоряем космос.

Человек молчал. Я видел, как лоб его то сморщивался, то разглаживался и тогда бороздки морщин становились не такими глубокими. С любопытством я изучал его повадки, подмечал любое изменение лица - всё мне было интересно: как он двигался, говорил. Сейчас же я мог сказать, что он о чём-то глубоко задумался.

Кряхтя человек переменял позу.

- Наверное, вы очень высокоразвитая цивилизация, раз смогли изучить все стороны природы: математические, физические, биологические, духовные. Но скажи - какое место в своей «теории всего» вы отводите себе?

Простой вопрос, но что самое удивительное, я почему-то не смог ответить на него. Точнее уже хотел сказать: «хозяевами», но почему-то промолчал. Я вдруг вспомнил про громаду космоса, совершенно нам не подвластную и этот ответ, естественный в окружении выстроенных нами поражающих воображение городов, теперь не показался мне истинным.

Подоспел чай.

Напиток оказался очень необычным на вкус. Человек, складывая трубочкой губы, дул в кружку, прежде чем отпить маленький глоток. Я повторял за ним. Дома, да и на корабле, я привык, что любому напитку всегда можно задать комфортную для потребления температуру и сейчас чувствовал какое-то дикарство в том, как пил чай. Будто приходилось подстраиваться под не спешащую остывать воду.

Человек поставил кружку на землю перед собой.

- Ты не ответил, - обратился он ко мне, - но, наверное, вы отводите себе высшую ступень эволюции. Вы же знаете про эволюцию?

- Конечно, - ответил я, Глазастик сумел точно перевести произнесённое человеком слово. Он обучался.

- Задумывались ли вы над тем, что эволюция может создавать очень разные приспособленности?

- Их огромное множество.

- Практически бесконечное даже, я бы сказал. Однако весь эволюционный путь, рано или поздно, при благоприятности внешней среды, приводит к одному узлу - развитию разума, а из него - интеллекта. Великая приспособленность! И одна на всех счастливиц. Но самое любопытное вовсе не это. Отнюдь.

- Что же?

- Во что эволюционирует интеллект дальше! Какой следующий этап? Ведь эволюционная дорога, по крайней мере для нас с вами, необозримо длинна. Вот вопрос, на какой мы — люди — уж точно никогда ни узнаем ответа. Какой следующий этап эволюции после интеллекта?

Я подивился наивности человека. Видимо всё же их дикарская жизнь постепенно отнимала ясность ума. Вопрос был глупым, не научным, сродни вопросу о том, что было до появления Вселенной. Это понимал даже я, далёкий от большой научной мысли.

- Дальше мы берём эволюцию под контроль, - сказал я просто, не слишком желая философствовать.

- Под контроль? - глядя себе под ноги спросил человек.

- Да, интеллект позволил нам вырваться из лона природы и создать нечто новое — цивилизацию. Цивилизация — полностью наше дитя. И теперь мы выбираем дорогу.

Человек кивнул.

- Это интересно и вне всяких сомнений будоражит воображение. Опять же твои слова высоки, они льстят слух. Мы думали точно так же. Однако, какую дорогу? Возможно, интеллект должен сыграть совершенно иную мелодию, нежели ту, которую, по её простоте, невежественно играли мы и которая в репертуаре у вас.

Художник замолчал не желая больше говорить про это.

При молчании мы допили первые кружки чая. Он предложил ещё, я не отказался. Хоть и ощущал себя дикарём здесь, но мне нравилось сидеть у костра рядом с человеком. Это чем-то походило на то, о чём я мечтал: озеро и утро за рыбалкой.

Вновь мне захотелось скорее вернуться домой.

Я почувствовал сколько усталости накопилось во мне.

- Знаешь, что сгубило нас, помимо нашей неспособности вовремя понять, что всё одно? - прервал мои размышления человек, - Страх. Мы вышли в космос — не так далеко как вы, но всё же увидели, какой он огромный. Огромный настолько, что познать его размеры нет никакой возможности. И неужели в этой бесконечности - мы одни? Мы чувствовали пустоту ширившуюся в нас по мере того, как осваивали ближайшие планеты и ничего на них не находили. Только ресурсы для заваливания печей промышленности, но ничего для успокоения души.

Я про себя усмехнулся. Нет, зло я не испытывал, только удивился какими нетерпеливыми были люди. Найти разумную жизнь на другой планете в одной солнечной системе — это из разряда ненаучной фантастики.

- Конечно, ты сейчас считаешь нас нетерпеливыми. Так и есть. Только представь как это невообразимо трудно когда знания открывают путь в неизвестность, а что там — дотянутся сил не хватает. Да и не собраны они, неровным слоем размазаны по всему человечеству. Поэтому мы халтурили, создавали кучу вымышленных, но населённых миров, вместо настоящих исследований. Так мы глушили чувство одиночества.

Не могу сказать, что я понимал человека полностью. Всё-таки жизнь у нас кипела и не было времени бояться. Хотя мне почему-то вспомнились сокурсники, которые не смогли преодолеть одиночество открытого космоса.

- Вы, кхм, - вдруг запнулся он, - вот видишь, даже сейчас, когда ты сидишь напротив меня, всё же я переживаю, - человек нервно улыбнулся. Потом глубоко вдохнул:

- Вы находили ещё кого-нибудь? - наконец задал он вопрос, ответ на который, как я понял, имел для него огромное значение.

- Да.

- Расскажи, пожалуйста, если не затруднит, - человек положил кружку себе на колени.

Я с удовольствием рассказал как нашёл одну первобытную цивилизацию, рассказал о сотнях находок простейших организмов и множество сложно-устроенных. Я видел, как жадно слушал человек мой рассказ. Он то крепко сжимал кружку, держа её двумя руками, так что пальцы его белели, то разжимал, всё порываясь выпить чай, но не доносил до рта.

Потом я начал рассказывать о тех, кто истребил себя. И тут лицо моего слушателя налилось тяжестью. Я видел, как он внимал моим словам, и видел, какой эффект они на него оказывали. Последнее о чём рассказал — о планете населённой вирусами и как на это отреагировали у нас дома. Какие споры поднялись.

Когда я закончил, старик лишь только кивал головой, как будто о чём-то разговаривая сам с собой.

- Значит не мы одни такие, не мы одни..., - вырвались наружу его размышления.

Я видел как он погрузился в безрадостные мысли; лицо окаменело, а морщины стали похожи на трещины в старом камне. Прервать его я не решался, только смотрел и старался лучше запомнить моего нежданного собеседника. Люди оказались очень сложными существами.

Никогда, будучи столько лет разведчиком, я не задумывался о том, что чужой разум, чужие мысли, могут быть столь необычными, не похожими, но... очень сильно напоминающими нас. Вроде внутреннего мира незнакомца на улице.

- А ты так и не понял? - вдруг спросил человек.

- О чём?

- О вирусах. Почему так отреагировали у вас дома?

- Да, я не особо пытался проникнуть вглубь...

Человек вдруг несдержанно перебил меня:

- Вас тревожат те же самые демоны, что когда-то не давали покоя и нам. Все те, кто отрицал очевидное — они даже не гранты свои защищали, как ты сказал об этом, просто боялись посмотреть правде в глаза.

Он говорил быстро, как убегающее молоко с кастрюли

- Это же не обмануть мужа или жену, сказав, что готовил еду всю ночь, а на самом деле заказал с ресторана. Это надо взглянуть на будущее своей цивилизации, взять на себя ответственность за него, поведать о нём другим,

принять на себя бурю критики, унижения, высмеивания и прозябая в нищенстве сейчас, идя наперекор слабому большинству, реакционному образу жизни, бороться за лучшее будущее для тех, кого не то что не знаешь, но кто ещё даже не родился. И, что самое страшное, возможно проиграть и осознать последствия своего поражения. Быть зрячим, среди добровольно ослепших.

Я разозлился. Совсем не такого можно было ожидать, когда нарушаешь инструкции и сидишь с представителем умирающей цивилизации посреди дикости леса. Зачем мне нотации того, кто сознательно лишил себя будущего. Кажется это отразилось на моём лице.

Человек почувствовал перемену произошедшую во мне. Уже более спокойным тоном, сказал:

- Вот именно про это я и говорю.

- Про что же? - бросил я.

- Мы с вами похожи. Готов спорить, что сейчас ты злишься на меня. Видимо не такой поверхностный ответ хотелось услышать. Но ведь самое главное - это не услышать, а понять. Ведь так?

Я промолчал, отложил кружку в сторону.

- Чай сегодня оказался вкусным, - как будто перестав замечать моё раздражение, заметил человек, осушив ещё одну кружку. Он с видимым удовольствием облизал губы, причмокнул, - Хорош. Ох, хорош. Не хочешь ли прогуляться?

- Прогуляться? Куда-то пойти?

- Да, недалеко, хотя времени, возможно, потратим изрядно. Всё таки хожу я не быстро. Сам видишь — старик.

- Я и так нарушил правила, если ты меня отведёшь в какое-нибудь поселение... - решил отказать я. На самом деле у меня просто не было желания куда-то уходить. Хотелось уединиться и разобраться. Я всё ещё не мог понять, что более всего было обидным: то, что человек так быстро увидел наши слабости и нетактично высказал их, или то, что они были похожи на человеческие.

- Знакомить с другими людьми я тебя не собираюсь. Это наверняка сделают и без нас те, кто придут за тобой следом. Дело в том, что из меня рассказчик довольно посредственный, я лишь художник. Но мне всё же хочется познакомить тебя с прошлым или с будущим, тут каждый волен выбирать сам.

Я взял кружку, большим глотком допил остывающий чай.

- С будущим?

Человек пожал плечами. Я резко выдохнул. Опять недосказанность.

- Это безопасно? - после недолгого размышления спросил я.

- Кха, - то ли усмехнулся, то ли подавился, то ли крякнул художник, - ты действительно думаешь, что я хочу или даже могу причинить тебе вред?

- Ну, параграф..., - попытался оправдать свой нелепый вопрос уставом.

- Туда куда я тебя отведу параграфы будут не нужны, только разум и сердце.

Я согласился.

Путь получился долгим. Человек шёл медленно, отказываясь от всяких моих предложений о помощи. Что удивительно - он ни разу не запнулся, ни одна ветка не полоснула по его лицу, в то время как мне приходилось внимательно смотреть под ноги чтобы не споткнуться о какой-нибудь корень и укрываться руками от хлестких ветвей раскидистых деревьев.

- Прости меня за любопытство, - непринуждённо переступая очередную корягу обратился ко мне человек, - всё равно прогуливаемся, да чтоб не в молчании. Мне уже без малого под сотню лет, здесь я дряхл и стар, как сама матушка Земля. А сколько тебе лет?

Я решил не усложнять ответ, поэтому назвал свой общекосмический возраст:

- Сто пятнадцать. Эм, - Глазастик быстро перевёл года на местные, - сто один по земному. Ваша планета медленнее вращается вокруг звезды, чем наша.

- Ох-хо! Всё равно прилично, выглядишь то молодцом, совсем не старик.

Против воли, но я рассмеялся:

- Я ещё молод, хочу прожить ещё столько же, а там глядишь и ещё получится сколько получится, - начал отвечать я в подражание человеку, - Здоровье у меня крепкое.

Он поравнялся со мной и нежно похлопал по спине. Как своего сына.

- Молодец, молодец. Так и надо.

Мы шли сквозь лес.

- Мне понравился пихтовый запах, - неожиданно, даже для самого себя, признался я, - очень необычный. Буду скучать по нему.

Человек понимающе кивнул, но ничего не ответил.

- Скажи мне, - спустя какое-то время, не сбавляя шага обратился он ко мне, слегка повернув голову назад, где следом шёл я, - у вас снимают фильмы?

Признаться такой вопрос застал меня врасплох. Фильмы у нас снимали, но большим знатоком кино я отнюдь не был. Да и когда? Всё моё время было занято космосом и мыслями о нём. Так, мог глянуть что-нибудь во время отпуска, если реклама заденет.

- Фильмы снимают. Много, разные, в основном, - я прервался, стараясь подобрать подходящее слово, - зрелищные, для отдыха: боевики, военные, фантастику, бывают драмы, часто комедии, - Глазастик ловко переводил названия наших жанров на человеческий.

Художник кивал. Когда я закончил свой сбивчивый рассказ, он задал ещё один вопрос:

- Наверное, с дальней разведкой у вас дела обстоят не очень? Постоянно пытаются её закрыть, считая её неперспективной?

Отвечать не хотелось, ведь дела действительно обстояли паршиво, а это не то, чем можно гордиться перед инопланетной цивилизацией:

- Да, пытаются, - выдавил я опять поразившись тому, как мой собеседник умел видеть то, что обычно прятали за кулисами.

- Трудности есть всегда, - повторил я, стараясь возобновить разговор, потому что человек опять замолчал, - позволь только спросить...

- Какая связь между моими вопросами?

- Да.

- Значит не видишь?

Я покачал головой. Как тут можно увидеть? Фильмы - одно, а разведка - другое.

- Ведь это всё одно и то же. Всё одно. Монада.

Тут Глазастик спасовал, не подобрав подходящего перевода к неизвестному слову. Поэтому я спросил о том, что понял:

- Что одно и то же?

- Фильмы и разведка.

Воспротивиться его словам я не успел. Мы оказались на месте.

- Библиотека, - сказал человек.

Если так, то это была самая странная библиотека из всех, что я когда либо видел. Даже учитывая отличия наших цивилизаций.

Мы стояли около холма, густо поросшего богатой растительностью. Я недоверчиво рассматривал его.

- Когда-то планетарий, в центре города, теперь это библиотека посреди взявшего своё леса. Большинство наших построек не уцелело, да и не стремились мы сохранить их, когда убивали друг друга, но вот эта, на удивление сохранилась.

Когда обнаружили её, сильно потрёпанную, то восстановили и спрятали под покровом леса. Всё что внутри — собрано уже после войны. И, по крупицам, собирается до сих пор. Находим предметы нашей прошлой жизни и приносим сюда. Это важно. Когда того потребует душа, мы приходим, чтобы найти успокоение, придать стройность и структуру мыслям, выстроить их в цепочку, элемент за элементом и вновь прийти к нашему сегодня.

Я внимательно осмотрел ту сторону холма, возле какой мы встали и решил, что нам надо будет обойти его вокруг, потому что не видел здесь никаких признаков двери или какого-нибудь входа. Однако человек сделал какое-то движение, я не успел уловить его, и прямо перед нами растворился целый пласт земли вместе с травой, камнями и несколькими кустарниками. Появилась стена из толстого стекла и такая же дверь в ней: мутная от грязи и времени, но целая.

Это было удивительно. Я уже привык за это время к дикости моего собеседника, что воспринимал его разговоры о человеческой цивилизации, как нечто отвлечённое, как легенду; теперь же собственными глазами видел мираж из человеческого прошлого. Он был эхом, на исходе сил добравшемся сюда и осевшем в новом времени. Эхом и свидетелем того, что люди не просто когда-то были высокотехнологичной цивилизацией, но и владеют передовыми технологиями до сих пор.

- Голограмма? - с пробудившимся любопытством спросил я.

- Не совсем, - помедлил с ответом старика, - голограмма вещь нематериальная, её легко распознать тактильно, достаточно тронуть, чтобы понять обман. Здесь же холм полностью настоящий и вернётся таким же. Потом увидишь. Пошли.

Человек поманил меня рукой. Двери беззвучно раскрылись, когда мы подошли к ним. За ними включилось освещение, мы спустились по ступенькам и сразу оказались в большом, куполообразном помещении. Внутри было светло и чисто, как будто только что убрались. Мне даже стало не ловко, что мы наследим, но старик уверенно двинулся вперёд. Я понял, что он бывал здесь часто и хорошо ориентировался.

Вдоль изгиба стен на высоту в три моих роста тянулись стеллажи забитые томами книг. Посреди помещения стояло несколько столов, над ними проецировались, мерцая, изображения. По-видимому то были компьютеры с голографическими экранами.

Было удивительно, что всё это работало.

- Кто-то содержит всё это?

- Да, - гулко отозвался человек, - иногда, когда что-то выходит из строя, мы обслуживаем оборудование. Всё таки мы же его и придумали, значит и должны содержать в исправности.

- А больше не производите?

- Только, чтобы поддерживать в порядке уже находящееся здесь и ещё кое где. Не больше.

Мы прошли через всё помещение к точно таким же стеклянным дверям. На этот раз они разъехались в стороны. За ними оказался столь же ярко освещённый коридор шедший под небольшим уклоном вниз. Коридор был просторным, шесть или семь людей могли идти по нему вместе. На его стенах висели картины, вдоль них стояли статуи изображающие людей разных исторических эпох, в разных позах и, порой, очень необычных для меня одеждах. Мой компьютер оперативно всё исследовал. Всё это были артефакты человеческой культуры.

- Это наша память, - подтвердил выводы Глазастика и мой человек, - тут всё самое лучшее, что мы изобрели и сумели сохранить от самих же себя.

Так мы шли довольно долго. По моим прикидкам мы уже были глубоко под землёй. Коридор же всё углублялся, не меняя наклона. Окружение постепенно стало меняться, на что я не сразу обратил внимание. Начиналось всё с изумительных творений человеческих рук, ярко освещённых белым светом, теперь всё чаще стали попадаться предметы неуловимо отличающиеся от остальных каким-то внутренним содержанием, а свет стал приглушённым, жёлтым.

Сначала это нашло отражение в картинах, скульптурах — они утратили изящество духовных исследований, стали яркими, броскими, аляпистыми, кичливыми. В них появились те качества, в которые рядится посредственность, не задающая вопросы, но самоуверенно знающая все ответы.

Таких вещей становилось всё больше, пока, последнее произведение настоящего человеческого искусства не осталось позади. Мы остались в окружении ряженного псевдоискусства. А затем появилось:

- Оружие. Тоже наше изобретение.

То были секиры, мечи, щиты, арбалеты, какие-то непонятные машины, потом пошло более совершенно оружие: огнестрельное, а затем и силовое, лазерное, энергетическое. Последние образцы не сильно отличались по своему действию от тех, что изобрели мы. Это вызвало сильнейшее волнение во мне.

Я воскликнул, когда увидел артиллерийскую пушку стреляющую энергетическими зарядами. Я точно знал, что это она. Оказалось, что человечество выстроило очень высокотехнологичную военную цивилизацию. Вряд ли сильно уступающую нам.

Вскоре меня уже окружало только оружие и ничего больше. Вместо картин висели голографические экраны изображающие какие-то огромные металлические машины, вне всякого сомнения изобретённые для всё более и более эффективного ведения войн. Какие-то из них были на гусеничном ходу, какие-то на колёсах, какие-то ливитировали над землёй, а какие-то были предназначены для достижения военного преимущества уже в ближнем космосе. Последним экземпляром, перед ещё одними дверьми оказалась военная космическая станция.

- Это всё тоже мы, - горько сказал старик, - куда бы мы не направились, всё делили на зоны интересов, неизбежно превращаемые в зоны военных конфликтов. Даже космос. Хотя, казалось бы — он бесконечно огромен, но нет. Появились частные интересы. Их, вопреки договорённостям общедоступности космоса, найдя какие-то лазейки, существующие только в правовом поле, но не в разуме, не в совести, поддержало одно государство, следом кинулись остальные и началась последняя война. Жадность наша простиралась дальше видимого космоса. Так было всегда.

Я остановился около космической станции. С каким-то пугающим интересом смотрел на неё. «Военная климатическая станция» - гласила подпись под ней. Орбита моей планеты была утыкана такими. Для защиты.

- Почему вы не смогли улететь дальше в космос? - задал я вопрос.

- Поймёшь, - ответил человек, - поймёшь это и то, как вам несказанно повезло.

Наконец мы прошли через ещё одни разъехавшиеся двери и оказались в ещё одном куполообразном помещении. Оно всё было обтянуто белой материей.

Человек предложил сесть мне в кресло, располагающееся точно посередине. Я понял, что он хочет показать мне какую-то запись.

- А куда же сядешь ты? - осмотрелся я.

- О! Я видел этот фильм много-много раз. К тому же я слеп. Скажи, ты когданибудь задавал вопрос: зачем войны?

- Да, - не заметив истинной сути вопроса сразу ответил я.

- Но тебя поправляли?

В который раз я с удивлением посмотрел на человека.

- Что ты имеешь в виду?

- Говорили не зачем...

- А почему! Да, всегда поправляли!

- Почему, - повторил человек, - почему.

- Я не придавал этому значения, а разве есть разница? - спросил я, хотя интуитивно чувствовал, что разница огромна.

- В том то и штука, что это совершенно два разных пути, по которым может пойти ваша цивилизация. Вопрос "зачем" вскрывает суть, на которую смотреть неудобно, а на "почему" всегда найдётся сотня, если не тысяча вполне себе обоснованных, подкреплённых вескими аргументами и даже научными теориями ответов. На вопрос "зачем?" - придётся посмотреть правде в глаза.

- Какой правде?

- А той, что зачем воевать, когда можно не воевать? - серьёзно, без тени пафоса или иронии, но с живой горечью, ответил человек.

И всё же невольно я рассмеялся. Это же...:

- Это же наивно, как у ребёнка. Зачем воевать, когда можно не воевать? Зачем учиться, когда можно не учиться? Зачем ссориться, когда можно жить в мире? Зачем...

Задумчивое лицо моего собеседника, ставшее похожим на какое-то изваяние, тотем, остановило поток моих колкостей. Впервые я увидел на нём суровую серьёзность.

- Зачем воевать, когда можно не воевать? - с сомнением повторил я, стараясь найти в этом что-то иное, чем наивность.

- Да.

И вдруг голос его переменился. Стал таким, говорил он так, будто я был его младшим сыном, которому терпеливо внушают какую-то правильную мысль, должную стать одним из стержней характера:

- Если вы не поймёте это, то погибнете, как погибли те, чьи могилы среди звёзд вы посетили. Вся ваша цивилизация. Со смехом, шутками, киношными взрывами и беспечностью. Погибните быстро.

Я был оглушён такими прямыми словами.

- Погибнете, если не осознаете, что всё, всё что вы придумали с помощью хитрости ради наживы, все правила, писанные ради выгоды, всё что вы

легализовали словами в своих умах, но не проверили встраивается ли это в механизмы жизни мира — разрушит вас.

- Я...

- Не «я», - покачал человек головой, - ты всё время так говоришь: «Я». Есть мы.

- Мы?

- Да, мы все: люди, животные, природа, эволюция, разум, космос. Всё едино. Всё мы. «Я» — отделяет нас от всего этого в наших мыслях, в наших действиях, но не физически, не биологически.

Я совершенно не ожидал такого напора от прежде мягкого, как мне казалось, человека. Чудного старца, рисующего картины вслепую. Да он говорил какие-то вещи, могущие показаться мудрыми, как у старика прожившего жизнь, но я смотрел на него, как смотрят на вождя племени туземцев. Сейчас же он вдруг оказался неизмеримо выше меня.

- Вам нужно осознать, что большая часть того, что вы придумали - это ложь и шелуха, служащая только для оправдания вашей добровольной слепоты, чему способствует и вопрос "почему?". Не "почему?", а "зачем?" - это вопрос зрелой цивилизации. «Почему?» - задают тогда, когда не хотят знать правду и не хотят искать её, когда имитируют поиски. «Зачем?», всегда надо спрашивать «зачем?» и честно отвечать.

Я слушал его и молчал. Не мог сказать ни слова. Как будто просто, но слишком просто. Да и откуда он может знать, что всё что мы создали, чего достигли — ложь?

- Для чего вы нас нашли? Зачем? - обратился он ко мне.

Я не сразу нашёлся, что ответить.

- Хм, разумная жизнь, обмен технологиями, почему мы не одни., - я мог сейчас говорить только известные и вложенные в голову всем разведчикам истины, заслонившие собой романтику, мечты ребёнка, поэтому ясно почувствовал, как они скрипели на зубах точно пепел.

Мой собеседник качал головой.

- Амбиции.

- Что?

- В первую очередь - ваши амбиции. Вы нашли нас, потому что так хотите: подчинить Космос, чтобы перед вами у него не осталось никаких тайн. Доказать ему, что вы не его побочный эффект, что вы укротители своего родителя.

Я хотел было рассмеяться, ведь слова это человека были так банальны, к тому же отдавали явственным душком плохой фантастической прозы. Но я не смог выдать из себя и половину улыбки. Только как-то булькнул, подавился и закашлялся.

- Это горькое лекарство, я знаю.

- Лекарство?

- Да, осознание того, что все эти амбиции, стремления исходят из тщеславия, честолюбия. Пройти эту стадию можно по разному, однако любой путь не будет лёгким.

- А вы, прошли? - с сарказмом спросил я, не в силах больше слушать человека. Мне хотелось вновь оказаться на позиции превосходства.

- Как видишь - нет. Только осознали, что упустили.

- А разве это не следующая стадия просветления? - продолжал язвительно спрашивать я, давить. Я не мог успокоиться от того, как он говорил со мной и какие

чувства во мне от этого проснулись. Смятение и сильная потребность в отрицании, отталкивании от себя услышанного.

Человек горько ухмыльнулся, не обратив внимание на мою грубую колкость:

- Нет, мы живём в агонии. Её не видно, потому что судороги растягиваются на столетия, но мы все её чувствуем. То что мы поняли не даёт нам теперь ни копейки. Пройдёт ещё тысяча лет, за ней другая и мы сольёмся с природой, исчезнем, что смог над городом. Это справедливо, но справедливо только потому, что так думаем мы, в эволюции нет таких категорий. Мы просто стали ещё одной прервавшейся веткой.

- А если я стану тем, кто поможет вернуть вам технологии? Не дам вам раствориться.

Человек качнул головой:

- Тогда лишь вы ускорите нашу агонию и даже не знаю, хорошо это будет или плохо. Мы умрём раньше.

- Не понимаю, - раздражённо покачал я головой, - я... мы дадим вам второй шанс на возрождение вашей цивилизации: технологии, ресурсы, знания!

- У нас всего этого было в избытке, да и сейчас осталось, как видишь. *Применять* их мы не научились. В одну и ту же реку нельзя войти дважды.

Не успел я удивиться вдруг прозвучавшей из уст человека хорошо известной мне присказке, а тот продолжал:

- Знаешь, что делают те фильмы, что вы снимаете? - как всегда резко, он вернулся к своему же вопросу.

- Не знаю, - растеряно, устало сказал я. Как будто разжал руки и ухнул вниз. Мне стало неинтересно. Скачки от пятого к десятому надоели: только стало казаться, что я улавливаю суть разговора, как человек всё ломал.

- Они разжигают войны внутри вас, а затем те выплёскиваются наружу. Мы тоже снимали боевики. Очень много боевиков. И даже если была фантастика, то обязательно с автоматами, агрессивными пришельцами и межзвёздными войнами. И побольше заведомо нереального, но круто смотрящегося на экране, перед зрителем, а затем, с совершенствованием потребительских технологий, и вокруг него, как реалистичная проекция.

А как иначе? Человеку нужен отдых после учёбы, работы, развлечений. После очередных новостей о том, как мир которое столетие стоит на краю могилы. Выход всегда был один. Перестрелки отлично снимают напряжение.

Сколько среди ваших фильмов таких, которые снимали бы о подвигах инженеров проектирующих космические корабли, про учёных решающих кажущиеся непосильными задачи науки? Про врачей ведущих войну на выживание с бактериями? Про космонавтов — про настоящих космонавтов, без оружия, - рискующие жизнями, прокладывая путь вперёд? Сколько было фильмов про сплочённость перед решением общей задачей, результатом чего, в конце концов, стала проторенная таки для следующих вас дорога к другим звёздам?

Может быть такие фильмы и были, я не знал. С вызовом подростка я ответил:

- Я мало смотрю фильмы, некогда.

- Зато другие смотрят много.

- Знаешь, я верю, что мы справимся! - почти крикнул я, ударив кулаками по подлокотнику.

- Ты думаешь, мы не верили?

После этого я не на шутку разозлился. Я не знаю, какими должны быть настоящие контакты с представителями других рас, планет и звёзд, но, мне

казалось, что не такими. Я вспылал, что позже не мог себе простить и никакие оправдания возбуждённости от всех событий тех дней, не помогали мне при воспоминании об этой сцене не прятать глаза и не хвататься за голову.

- Да как ты можешь нас учить? Вы то свою цивилизацию не сохранили! Где ваши заводы? Где города? Где всё то, что делало вас людьми? Наука, искусство, стремления, планы? Уничтожили, стёрли в пыль!

Говорил я долго, а когда закончил, хотел было уйти, ничего полезного от человека всё равно было не добиться. Только иносказательная ерунда, банальщина, вздор слабого на выдумку ума. Такими простыми фразами уже нельзя ничего объяснить. Всё гораздо и гораздо сложнее в мире. Объяснения же человека, годятся разве что для детей. Совсем маленьких, едва научившихся ходить и познающих мир как контрасты плохого и хорошего.

- Подожди делать выводы, - остановил меня человек, положив свою старческую руку мне на грудь, не дав подняться с кресла, - я согласен с тобой, что всё отнюдь не легко. Отнюдь. Однако именно прямоугольные кирпичи выстраивают целые дома, улицы, города, страны.

Я глубоко вздохнул.

- Прости мне мою иносказательность, наверное, ты устал от неё. Это слабость всех старых людей. Мы любим забываться в своих мыслях, и порой они убегают вперёд так далеко, что мы теряем над ними контроль.

Сумев привстать под слабой рукой старика, я под её мягким нажимом вновь опустился в кресло.

- Позволь мне, раз мы пришли сюда, зашли так далеко, всё же показать тебе историю нашей жизни.

Едва успев сказать это - ноги его вдруг задрожали, он ухватился за ручки кресла. Я испугался. Обхватив его за плечи я вскочил, попытался усадить в него ослабевшего человека.

- Нет, нет, - запротестовал он голосом, мерцающим, как огонёк свечи под ветром.

Я аккуратно держал его за плечи.

- Сейчас, сейчас, подожди. Пройдёт всё.

Руки и ноги его дрожали, и он со всех ослабевающих сил держался за меня, но не садился. Я стоял крепко, хотя удары моего сердца гулко отдавались в голове.

- Сейчас, сейчас, - говорил он, - сейчас пройдёт, должно пройти.

Крупная дрожь оставила человека, лишь мелкие судороги время от времени пробегали по его телу. Наконец ноги перестали дрожать, а за ними и руки. Ещё несколько раз волной прокатилась мелкая дрожь и человек задышал ровно. Слабая улыбка тронула губы, собрала морщины вокруг глаз:

- Старость, она как первая любовь: сжимает сердце и отнимает ноги, да?

Вдруг, чувствуя облегчение, я рассмеялся. Наконец мне стали понятны его иносказания

- Это, да, - согласился я, вдруг вспомнив давно позабытое.

- О! Слышу знакомы нотки в голосе. Все мы когда-то любили, как в последний раз. Сейчас же, эти любовные воспоминания, разрывающие раньше сердце, согревают душу, не так ли?

Я рассмеялся ещё громче. Человек был как никогда прав. Сковавшая меня напряжённость ушла, дав свободу безудержному смеху.

- Да, да. Любовь тема бесконечная, мы её обязательно затронем, как-нибудь в другой раз.

И откуда только взялось это озорство у человека? Я чувствовал, как воздух вокруг нас потеплел, а мы вновь неуловимо сблизились.

- Обязательно.

Довольно кивая, видимо откладывая в голове любовные воспоминания о которых можно будет поговорить у костра за кружкой чая, человек аккуратно, памятуя о настигшей его только что слабости, держась за ручки кресла, опустился рядом на пол.

- Так привычнее. Всегда сидел на земле.

Я стоял и с улыбкой смотрел на своего случайного знакомого, на собеседника с другой планеты, чуждой цивилизации и чувствовал к нему тёплую привязанность. Каким-то невероятным образом он напомнил мне моего отца.

Тот так же говорил мне много самых банальных истин. Вначале непонятных, потом открывающихся, как звёзды в небе, а потом заволакивающиеся эгоизмом взрослой жизни. Теперь же, хоть ещё мгновение назад я чувствовал в себе злость на посмевшегося пролезть в мою голову человека, я испугался за него и побоялся, что он оставит меня на пороге чего-то важного. Не успеет показать.

И всё же, за смехом, мне показалось, что в его глазах, покрытых белёсой плёнкой слепца, я успел увидеть мольбу, просьбу направленную к кому-то. К жизни? К самому себе? Мой внимательные взгляд не остался не замеченным.

- Испугал я тебя, да?

Я перестал улыбаться.

- Эм.

- Да что там, я сам жуть как испугался, врать не буду. Но, как с той самой батареей: прикусил её с нескольких сторон и ещё минута есть.

Я улыбнулся, но не понял, что он имел ввиду.

- Садись, садись в кресло. Я рядышком побуду.

Когда я вновь устроился в кресле, с интересом ожидая, что увижу, художник опять сделал какое-то движение рукой и всё погрузилось во мрак.

Прежде чем всё, даже мои мысли, заглушил грозный грохот, я успел подумать о том, что неплохо было бы узнать откуда берётся энергия. Затем я обо всём забыл и полностью отдался своим чувствам, впитывающим в себя увиденное и услышанное. За ними стоял мозг, структурирующий полученную картину и откладывающий её для будущих анализов и выводов.

Передо мной проносилась вся история людей. Всё их величие и низость, ум и невежество, благородство и жадность. Я видел, как они любили жить, но с разрушительным упорством неслись в пропасть. Видел, как они творили, создавали прекрасные произведения искусства, пронизанные стремлениями, любовью и настоящим пониманием мира их взрастившего, и видел, как страшно коверкали впоследствии вложенную в них душу, ради сиюминутной выгоды, ради похабного эгоизма.

Видел, с каким трудом люди создали общество, и с каким упоением в миг разрушили его; видел, как много силы они прикладывали, чтобы найти решения на окружающие их со всех сторон загадки, и видел, как тут же неразумно тратили время и ресурсы, наращивая потребление, выдумывая совершенно бесполезные вещи и лозунги их рекламирующие. Видел, как они стремились к свободе, ошибочно считая её фундаментом рабство себе подобных. Видел, как они заблуждались, считая свободу безграничным правом, в то время, как она есть ни что иное, как ответственность, трудная ноша.

Видел прозрения людей и их ошибки, видел, как высоко они взошли, каких успехов достигла их наука, а за ней философия, литература, но не смогли на этой ступени изменить себя, стать людьми интеллектуальными, нащупать тонкую грань позволительного, потеряли равновесие, сорвались и рухнули вниз.

И я увидел, как в их истории отражается наше настоящее.

Всё это показал мне фильм.

Я был поражён. То была не просто автобиография умирающей цивилизации, а окно в возможное будущее для нашей, о котором так часто мечтают и говорят фантасты.

Кажется давно закончился фильм, пролился свет, наступила тишина, а я всё сидел и смотрел куда-то вглубь себя. Человеческая история наложившись на нашу, раскрыла для меня всё, на что раньше я отказывался смотреть.

Слёзы выступили у меня на глазах и потекли по лицу, мутными каплями падая на грудь. Я понял о чём говорил всё это время человек, понял то, что сжимает сердце у всех людей и что не позволяет им жить иначе, чем они живут сейчас. Пусть на мгновение, пусть не так сильно, как это каждый день ощущают люди, но я почувствовал тяжесть, сдавливающую их сердце. Поэтому человек, даже став слепым, рисовал. Он рисовал потому, что прикасаясь к израненному его же руками миру, он беседовал с ним, находил покой и единение.

Я понял, как нам безумно повезло запрыгнуть буквально в последний вагон и покорить... нет, вырваться, как по морской волне, в космос. Люди не смогли этого сделать.

Истратив все силы на последнюю войну друг с другом, поняли слишком поздно, что они — неразрывное целое, что они — одно. Что всё во всём мироздании — это одно.

Оказалось, что всё просто: понять это и поставить во главу угла жизни.

Художник видел, какие перемены происходили со мной. Никто: ни я, ни он, - ни проронили ни слова. Мы вышли наружу, солнце светило прямо в лицо. Я поднёс руку к глазам, прищурился, несколько раз глубоко вдохнул. Дверь за нами закрылась и тут же вновь появилась та часть холма, что исчезла в прошлый раз. Я подошёл к ней, прикоснулся. Всё было настоящим: и трава, и нежные цветы спрятавшиеся в ней, и кустарники и тёплая земля. Всё было живым. И мы.

Мы вернулись к палатке человека. Мне нужно было уходить, тринадцатый ожидал от меня отчёт, с которым я и так припозднился.

- Я знаю — тебе пора, - обратился ко мне человек, - хочу спросить разрешения нарисовать тебя.

- Нарисовать, зачем? - удивился я.

- Так я увижу вас лучше.

Я разрешил.

Два дня, пока человек меня рисовал, позволили мне хорошо всё обдумать. Мы практически не разговаривали. Я приходил к нему, он наливал неизменный чай и принимался за картину. Выпивая кружку за кружкой, смотря на янтарную воду в котелке, где любили резвиться солнечные лучи, я купался в своих мыслях. Постепенно все они очистились от корки и стали ясными, как полюбившийся мне чай. Требовалось только уяснить их, принять.

- Прости, что я поступил так с тобой, - сказал художник, утром на третий день.

- Знаешь, я всегда думал, всем нам внушали это с самого рождения, что мы вершина, что мы должны править всем. Эволюция дала нам разум, разум наделил интеллектом, а значит мы и есть те, кому всё должно принадлежать по праву. Покорять, исследовать, подчинять, направлять в нужное нам русло. Конечно делать это разумно. Так развивается вся наша цивилизация. С такими идеями мы смогли выйти в космос, построить межзвёздные корабли, оказаться, в конце концов, здесь. А оказалось, неужели оказалось, что мы стражники на службе природы?

Человек отложил кисть в сторону, налил себе чай.

- Нет. Нет службы, нет подчинения. Есть сложная структура жизни, в которой эволюция отвела вам ключевую роль. Все мы знаем, как проходила эволюция раньше, но никто не знает, куда она пойдёт дальше, зачем потребовалось ей с таким упорством наделять своих детей интеллектом, беспрецедентной свободой. И вам необходимо это выяснить, от вас зависит станем ли мы тем импульсом, что поднимет эволюцию на новую, невиданную ступень развития.

- Это тяжело.

- Да, это так, но не тяжелее каждое утро осознавать в себе тех, кто не справился. Мы как кающееся дитя: чувствуем свою ответственность за произошедшее и просто стараемся жить как можно незаметнее. Но вы ещё можете.

- Я... я не уверен, что это мы. Тебе придётся показать все эти фильмы каждому из нас. Все должны пройти через то, через что прошёл я. Но не все захотят, большинство из нас слишком легкомысленны, чтобы даже задавать себе такие вопросы. Они спрячутся, отмахнутся, забудут.

- И всё же, кто-то ведь должен стать голосом интеллекта в цивилизации выстроенной разумом.

- Чтобы предотвратить катастрофу?

- Чтобы предотвратить катастрофу. Чтобы не стать такими, как мы: сынами эволюции, не нашедшими для себя места в жизни.

- Эволюция всех роднит.

Человек кивнул и улыбнулся.

- Теперь ты понимаешь, что мы часть одного и того же. Всё — всё одно. Эволюция развивается везде одинаково. Интеллект — это неизбежный этап взросления, и наверняка есть цивилизации, прошедшие этот этап, просто мы их ещё не нашли, а каким-то не хватило сил признать свою ответственность, признать отсутствие полной, безнаказанной свободы и они погибли... или погибают прямо сейчас.

Человек поправил головёшки в костре. Они вспыхнули красным, замерцали.

- Главное всегда помнить, что за любыми высокими словами — скрывается самая страшная ложь. Потому что с помощью неё обманывают не природу — её обмануть невозможно, не вечно эволюционирующий мир — он существует вне зависимости от того, как на него смотреть; не своих сородичей, что сделать очень легко, а обманывают самих себя.

Сейчас вы встали на ту же самую ступень, на какой однажды оказались и мы. И теперь надо сделать следующий шаг, сохранить равновесие, не оступиться.

Я слушал человека и постепенно последние части целой мозаики вставляли на место. Они показывали то, что оказывается можно сгнуть в небытие. Оно поглотит, как песчинку целую цивилизацию, и всё остальное уже произойдёт без нас. Мы не будем этому свидетелями. Не будет потомков, не будет огромного дерева нашей цивилизации, способной ответить на тысячи вопросов о своей природе и получить ещё миллион вопросов. У нас есть свобода выбора как поступать и что делать, но до

сегодняшнего дня мы даже не задавали себе вопрос, зачем она нам? Мы пользовались ею. У нас появился шанс понять. Увидят ли всё это дома, когда поймут то же, что и я? Как мне рассказать?

- Но ответь мне, - попросил я.

- Если смогу, я же всего лишь человек, не Бог.

- Скажи мне, зачем эволюция пришла к созданию интеллекта? Разве нельзя обойтись без него?

- Не знаю, может так она хотела найти ответы на вопросы?

- На какие?

- Может быть один из них как раз такой: возможно ли двигаться дальше?

Теперь это должны узнать вы, у вас есть все ключи.

Ответы. Как же наша беспокойная душа нуждается в них!

Вдруг художник хитро прищурился и с озорством мальчугана, совершившего ловкую проказу, а теперь решившего сознаться в ней сказал:

- Самые правильные вопросы не те, что облачены в одежду из слов, а те, что остаются внутри нас. Именно на них надо искать ответы. Но прежде — сумей ухватить их, приручить, а после — найти в себе смелость освободить для них разум! И не менее важно — рассмотреть их в другом человеке.

Внезапно я всё понял. Вот значит, чем являлись причуды моего человека. Он довольно кивал головой.

- Можно ещё чай? - глянул я на опустевший котелок.

- А почему бы и нет? - человек оживился. Я видел, как ему доставляло истинное удовольствие готовить его.

В тишине мыслей, дыша вместе с лесом мы наслаждались этим напитком. Всё внутри меня согревалось теплом установившегося понимания.

Мои прежние планы показались пустыми, ненужными. Человек помог увидеть мне главное. Ни новые разумные существа или немислимые формы их существования, ни неизвестные технологии, ни возможные выгоды от сотрудничества а их опыт, их прожитая жизнь, их знания и полученный один единственный ответ, открывший скрытый до сих пор путь — вот открытие, какое мы не ища открыли. И оно оказалось самым важным из всех сделанных нами.

За очередной кружкой, а я уже привык, что одной кружкой чая человек никогда не ограничивался, он принялся рассказывать про свою первую любовь. «Давно это было. Батюшки, как давно!», - начал он, а я почувствовал себя любопытным юнцом у лагерного костра.

Любовь.

Как же замечательно, думал я, что это чувство одно для всех.

Оказалось, что наступил вечер.

- Спасибо, за чай и..., - хотел поблагодарить я, но не нашёлся, как сказать.

Человек махнул рукой, показывая, что не надо слов.

- Ты сможешь прийти завтра? Картина как раз будет готова, хочу отдать её тебе.

- Мне?

- Да, мне кажется так надо.

- Хорошо, приду.

- Утром, мне не долго осталось. Утром.

Человек повернулся к картине и взял кисть. Я понял, что пора уходить.

- Дъо-бърои нъо-чи, - произнёс я на человеческом языке. Направился к кораблю.

- Подожди! - окрикнул меня художник, когда я сделал несколько шагов. Я обернулся.

- Скажи... А наша планета — она всё так же прекрасна из космоса, как и на сохранившихся записях? Всё такая же голубая?

- Да.

Старик неловко кивнул, несколько раз быстро моргнул и вернулся к картине.

Впервые за очень долгое время я спал совершенно без снов. Мне не снилось ничего, от чего бы я мог проснуться посреди ночи. Не снился и дом у реки. Я просто спал. Набирался сил, перед следующим днём «полным шалостей и озорства», как сказал бы отец. Только не шалости теперь ждали меня. Беззаботная легкомысленность детства осталась позади, в счастливых воспоминаниях.

Утром на прежнем месте — перед входом в палатку - я увидел склонённого над картиной художника. Мне захотелось крикнуть ему, поприветствовать, но тут понял, что не знаю его имени. Я даже на миг остановился от неожиданного открытия. С желанием скорее это выяснить — ускорил шаг.

Человек не шевелился. Он сидел так, как будто устал за работой и теперь незаметно для самого себя задремал. Голова его лежала на груди, одной рукой он упирался на колено, а другая, с кистью между пальцев, свисала вниз.

Я подошёл и впервые увидел картину.

На ней был я. Именно такой, каким не вижу себя в зеркале, а каким ощущаю внутри. Старый, слепой человек увидел меня, мои переживания, мои страхи, мои мысли, мои изменения, произошедшие за эти дни, мои родившиеся чаяния. На картине стоял тот я, что не был мной, но был всеми нами.

Я обошёл костёр, окружённый камнями, не дающими ему распространиться по лесу. И приблизился к картине, чтобы лучше рассмотреть её. Рука сама по себе потянулась к ней.

- Как, как у тебя это получилось? - в волнении воскликнул я, оборачиваясь к нему.

Человек не ответил, хотя я был уверен, что он проснулся, а теперь наблюдает за мной, ведь от меня было столько шума!

Тогда я склонился над ним.

Глаза его были закрыты.

Он не дышал.

Душа оставила старческое тело.

Просвечивающие всё на свете глаза навсегда остались закрытыми.

Я опустился на колени рядом, кончиками пальцев проведя по его опущенной руке, а затем обхватил её. Она была тёплой, такой, какой запомнилась по первому прикосновению несколько дней назад. И в ней всё так же была кисть. Теперь мы как будто вместе держали её.

Рядом, на земле, лежал бутылёк с прикреплённой к нему бумагой. Не сразу я решился поднять его. Когда взял, то почувствовал терпкий запах пихты. Обёрнутая вокруг него бумага оказалась запиской. Почерк был стройным, как полевая трава под весенним ветром:

«Разведчик, возьми себе. Это пихтовое масло, оно понравилось тебе. И, как видишь, первого контакта как будто и не было. Я унёс нашу тайну с собой. Надеюсь, что Земля стала для тебя вторым домом. Картина и кисть пусть останутся у тебя. Твой человек».

Нет имени. Лишь «человек».

Человек.

Человек вверивший мне будущее всех людей.

Костёр успел догореть, а я всё ещё смотрел на слепого художника, раскрывшего мне глаза.

Корабль нашего народа, его весточка на другом конце Галактики, устремился вверх. Земля, теперь я знал, как называется эта планета, осталась позади.

Оказавшись на ближней орбите, Глазастик сбавил ход.

- Прощай, - шепнул я и открыл один из люков грузового отсека.

Человек, одетый мной в комбинезон и обёрнутый в голубую ткань, вылетел в космос. Я не знал, какие обычаи у людей, как они прощаются со своими братьями, но решил, что так будет правильнее всего.

Картина родного леса покоилась на его груди под скрещенными руками. Человек парил над Землёй, родным домом и маленькой жемчужиной в черноте космоса. Его путь окончился, наш же только начинался и не обещал быть лёгким.

Всё - одно.

Мы - одно.

Крепче сжав в руке бутылёк с пихтовым маслом, я уверенно встретился взглядом с невообразимо-бесконечным, как эволюция, вновь наполненным вопросами и целями, Космосом.